

ПРОЛОГ

«Дикие гуси» — так в средневековье именовали ирландских солдат, отправлявшихся воевать на чужбине. Российских солдат-контрактников, воевавших в Чечне, называют «контрабасами». Наверное, потому, что слова «контракт» и «контрабас» созвучны. Да и Чечня де-юре территория России. Кое-кто пробовал называть контрактников на западный манер — «псами войны» или «дикими гусями». Но это не прижилось. Контрабасы — лучше.

А вот чеченцев называют «чехами». Но об этом, думаю, все знают.

В 42-й мотострелковой дивизии, совсем недавно воевавшей в Чечне, солдат-контрактников было около четырнадцати тысяч. Возраст в основном от девятнадцати до тридцати, но встречались и сорокалетние. В первую войну в Чечне воевал 694-й мотострелковый батальон, который неофициально называли «Казачий батальон имени Ермолова». Отчаянно сражался, безбашенно. «Чехи» его реально побаивались. Так там даже пятидесятилетние дядьки служили.

Когда Путин стал Верховным главнокомандующим, в Чечне стало меньше голодных и запуганных срочников. Воевали уже взрослые мужики, у большинства из которых за спиной была не одна война.

Но, избавившись от одной болячки, военное руководство нажило себе другую. Это только в газете «Красная звезда» контрактников называют профессиональной армией, на самом деле — это стихия. Ее не помордуешь, как солдат-срочников, не поморишь голодом.

Зимой 2000-го на моих глазах пьяные контрактники подняли с постели военного коменданта Северной зоны безопасности и чудом не набили ему морду за невыплату зарплат. Я был свидетелем того, как осенью девяносто девятого перед отправкой в Чечню солдат-контрактник напрямую спросил генерал-лейтенанта Бабичева, почему туда посылают неподготовленные подразделения?

Стоящий рядом комбат от страха впал в ступор. Мысленно он попрощался с должностью и готовился к самому худшему. Хотя, казалось бы, что может быть хуже Чечни?!

Но обошлось. Бабичев никого наказывать не стал. Среди генералов тоже ведь есть нормальные мужики. Ну а комбат, после того как мы вошли в Чечню и обустроились, на радостях пил неделю.

Кто шел в контрактники? Первая и очень немногочисленная категория — воляки. Как говорит Дима Пушкарев: «Война — она, как наркотик, — затягивает». Сам Пушкарев срочную служил «за речкой», потом несколько лет в ментовке, из которой его уволили за несдержанность и отмороженность, потом Чечня. В моей роте есть еще несколько таких, как он.

Для них война стала профессией. Для тех, кто прошел Афганистан, Приднестровье, первую чеченскую кампанию. Деньги для них — дело второстепенное. Спустить за отпуск в кабаках тридцать, сорок, пятьдесят тысяч — не проблема! Поехать к морю на такси? Легко!

Кончились заработанные потом и кровью «боевые» — новый контракт на полгода или год.

Но практически никто из них не собирается всю жизнь оставаться на контракте. Если у кого и есть такие мысли, то очень быстро пропадают. Да и отцы-командиры после военных действий оставлять у себя людей воевавших не собираются. На контрактников смотрят как на пушечное мясо недолговременного хранения. И не более.

Но есть и такие, как инструктор разведки Игорь Прибный, или просто Степаныч.

Бывший подполковник РУБОПа, пенсионер по выслуге. Ему сорок четыре года. Война — это его состояние души. В каком Степаныч здесь статусе — никто не знает, но боевые он не получает, несмотря на то что делает самую нужную и опасную работу: ищет и снимает растяжки, ползает с разведчиками к «чехам», натаскивает их, как снимать часовых, учит, как убивать ножом и еще многому другому. Я спрашиваю:

— Степаныч, ты сколько раз на войне был?

— Пять.

— Не надоело?

— Надоело.

— А чего же опять здесь?

— Профессия у меня такая, призвание. Родину защищать.

— А-аааа! Тогда понятно.

Еще есть несколько хлопцев с татуированными пальцами. Перстни там всякие, что они означают, точно не знаю, но Степаныч просвещает:

— Ага, вот это — гоп-стоп, грабеж то есть. А это — малолетка.

— Степаныч, а ты дискомфорта не испытываешь? Все-таки мент, хоть и бывший. А это — урки.

Степаныч усмехается в свои вислоухие хохляцкие усы:

— Ну и шшо, Алоша?

Он зовет меня Алоша. Когда Степаныч в настроении, то говорит на какой-то русско-украинско-белорусской смеси. Он называет ее балачкой.

— Это они там были расп...дяи, а здесь солдаты. У нас полстраны сидело. Если усих сидевших не брать, кто Россию защищаты буде?

Все правильно, кто тогда будет защищать Россию?

Основная категория — это те, кто поехал на войну подзаработать. В России очередной кризис.

КАК Я СТАЛ «КОНТРАБАСОМ»

Сколько водки можно выпить за три дня? Одному. Три бутылки? Шесть? Десять? Ошибаетесь — ящик. Именно столько пустых бутылок я обнаружил однажды утром рядом с диваном. Прошедшее вспоминается с трудом, какими-то лоскутками.

После первых пьяных суток водка идет уже как вода. Организм не реагирует на вкус и запах. Я отрываю голову от подушки, наливаю половину граненого стакана, выпиваю, отрубаясь. Через час просыпаюсь, наливаю снова и снова отрубаясь. Ночью просыпаюсь, вспоминаю, что живу почти в прифронтовой полосе. Здесь по ночам исчезают люди, угоняют скот, взрывают дома. Решил — живым не сдамся. Сваливаюсь с дивана, доползаю до шкафа, вытягиваю карабин. Здесь же и патроны. Один загоняю в ствол. Карабин кладу под подушку. Держитесь, суки!

Днем просыпаюсь от головной боли. Подушка сползла, и голова моя лежит на деревянном прикладе. Вот блин, карабин-то мне зачем?

На пороге сидит кот. Смотрит на меня голодными, злыми глазами. Тоже укоряет, сука!

Решаю напугать неблагодарную тварь, два года назад спасенную мной от голодной смерти. Навожу на него ствол, плавно выжимаю спуск, хочу выкрикнуть — пуф-ф!

Не успел. Карабин дергается в руках, сноп пламени и дыма. Ба-бах! Бля...! Забыл про патрон.

За секунду до выстрела кот испарился из комнаты. Вот что значит пройти школу выживания! На обоях аккуратная дырочка с ровными краями. Чуть не оглох. В комнате воняет порохом. Пытаюсь высчитать, какой сегодня день недели — воскресенье или понедельник. Если выходной, тогда плохо. Все соседи дома, слышали выстрел, сейчас вызовут ментовку.

Звонок в дверь раздастся минут через пятнадцать. Вот, суки, быстро же они, когда не надо! Превозмогая тошноту, плетусь открывать. Я никогда не спрашиваю через дверь — кто?

Все равно, если это за мной, то найдут. Не в квартире, так на улице. Или в подъезде. Или в лифте.

На пороге стоит Гена Щекотин. В руках у него полиэтиленовый пакет с характерными выпуклостями. Видать, Гена пришел неспроста. Он — в прошлом офицер, замполит. Поговорить за жизнь — это у него в крови. Прямо с порога начинается погрузка.

— Зашел к тебе сегодня в офис, а секретарша говорит, что ты три дня глаз не кажешь. Телефон молчит. Вот я и подумал, что надо зайти. Может, заболел. Твоя-то не вернулась?

— Не-е, Ген, не вернулась. И не вернется. На прошлой неделе звонила, сказала, что разводится.

— Да-а, Леха, дела. И чего им надо, дурам? Моя тоже сбрендила, говорит, забирай вещи и уходи. Можно, я у тебя с недельку перекантуюсь? А?

— Да живи, места хватит.

Гена достает из пакета бутылку пива — «Балтика», девятка. Это значит, что сегодня я вряд ли буду трезв.

Гена смотрит на стенку, его взгляд фокусируется на отверстии. Глазастый!

— А ты чего, не успел ремонт сделать, уже дырки в стене ковыряешь?

— Соседей слушаю, у меня там прокурор живет. Так я теперь обо всех преступлениях в городе знаю.

Приятель начинает меня утомлять, хочу закрыть глаза и никого не слышать. Значит — развод, и Машка останется с ней. Никакой суд не оставит пятилетнюю дочь с отцом.

Ловлю себя на мысли, что совершенно не слушаю Генкин треп. Пытаюсь сконцентрироваться.

— Вчера вечером видел Сашку Мартынова, у нас гаражи рядом.

Вот Генка, мудака, одно слово — замполит. Никак не может коротко. Мартынова я знаю, мой гараж тоже рядом. Сашка служит в военкомате. А чего он с дырки в обоях переключился на военкомат?

— Так вот, Сашка сказал, что с Чечни будут выводить всех срочников, теперь воевать будут только профессионалы, контрактники. Военкомат уже объявил набор. Вот я и говорю, давай наших ребят наберем с десятков — офицеров, спортсменов, афганцев — и пойдем.

Перспектива посвятить свою жизнь армии как-то не улыбается. Спрашиваю:

— А на сколько контракт?

— На полгода всего. Смотри, я уже все продумал. Сейчас поживу у тебя, завтра поеду к Сашке, напишу заявление. Через пару недель уеду. Моя кикимора хватится, а меня — тю-тю — нет. Где? В Чечне. Вот тогда она локти кусать и начнет. Еще и капусты срублю, обещают хорошие деньги платить, каждый день по штучке боевых закрывать.

У меня перед глазами качается потолок. А что? Может быть, это выход? Почему бы не съездить, не повоевать и, если уж погибнуть, то умереть, как мужчина, на войне!

Утром я отправляюсь в городской военкомат. Городок у нас небольшой, все друг друга знают. Встретили меня если и не хлебом-солью, то с необычайной вежливостью, и через пару недель я уже был на базе 135-го мотострелкового полка, где формировались и проходили боевое слаживание контрактные роты. Из моего города здесь человек пятнадцать, многих я знаю. У Рашида Шарипова в прошлом — Афган, он входил туда в декабре семьдесят девятого, с мусульманским батальоном. Андрей Шашорин воевал в Осетии, Митя Першин в первую войну попал в мясорубку под Орехово с Ермоловским батальоном.

Нас ждут палатки, получение обмундирования, техники, оружия. За неделю мы должны снова научиться стрелять, ползать, кидать гранаты, убивать ножом, прикладом, саперной лопатой. В нас должны проснуться рефлексy, некогда привитые в могучей и непобедимой Советской армии, но это в теории. На самом же деле первые полдня мы проводим на вещевом складе, где долго и нудно переругиваемся с пройдошистого вида прапорщиком. Обмундирование выдается по старому армейскому принципу: большим — маленькое, маленьким — большое. Мне достается бушлат шестьдесят второго размера и такая же шапка. Этот принцип в русской армии соблюдается с незапамятных времен. Скорее всего, своим внешним видом мы должны устрасшить противника.

Кого-то осеняет налить прапору.

Из моей сумки извлекается фляжка со спиртом, после этого дело идет веселее. Во второй половине дня поступает команда: пристрелять оружие. Подобревшие после каши и кильки в томате российские рейнджеры тянутся в сторону стрельбища. Офицеров почему-то не видно, занятия проводит Прибный.

— Хлопцы, едем на войну. А там самый верный друг и товарищ — это ваш автомат. Вы с ним спите, ходите в сортир и, если очень повезет, даже к бл...м. Из него вам придется стрелять, чтобы защитить себя и своих товарищей. Чтобы убить врага. Чтобы остаться в живых. А чтобы автомат не подвел вас в решающую минуту, он должен быть вычищен, смазан и пристрелян...

Из автомата он стреляет как бог. С правого плеча, с левого. Садит с обеих рук. Одиночными. Короткими очередями. Длинными.

После стрельбища я знакомлюсь с вверенной мне боевой единицей.

По штатному расписанию я старший стрелок БРДМ-2, то есть бронированной разведывательно-дозорной машины, или, как ее еще называют в войсках, «Бардак». Машина мне нравится, классный такой агрегат. Защищенная бронелистами, со всеми ведущими колесами, плавающая, прыгающая да еще и вооруженная двумя пулеметами. Собственно, эти-то пулеметы и ввергли меня в смущение. Срочную я служил в спортроде, пулеметы видел лишь в кино, поэтому имею о них самое смутное представление.

Как же из них стрелять?

Я сижу на броне, ногами в люке, и считаю птиц, ворон, другие здесь почему-то не водятся. Приходит мысль изучить матчасть на практике. Соскальзываю в люк, прыгаю на «табуретку». Припадаю к резинке триплекса, в перекрестье прицела вижу брезентовые палатки, спующих людей.

— Огонь!

Поочередно жму кнопки электроспуска на рукоятке вращения башни. «Та-та-та-та-та!» — в моем воображении это бьет «малый» пулемет. И следом грохочет крупнокалиберный КПВТ: «Дах-дах-дах-дах!» Представляю, как пахнет порохом, слышу, как по броне стучат стреляные гильзы. В ту же секунду понимаю: это не гильзы, по броне бьют железякой. Высовываю голову из люка. Рядом с машиной толпа офицеров. В центре некто, в костюме с галстуком и шляпе. На заднем плане мелькает испуганное лицо комбата. Меня озаряет: таким важным и с такой свитой может быть только... президент России! Прыгаю на землю.

Шляпа укоризненно качает головой.

— Это же потенциальный убийца, и таких людей вы посылаете в Чечню для наведения конституционного порядка? Понимаешь...

Ко мне подбегает какой-то подполковник, с совершенно белыми глазами.

— Кто такой?! Какого х... ты тут на людей пулеметы наводишь?

— Да я... стрелок...

— Какой мудака ему пулеметы доверил? Хотите, чтобы он всех перестрелял? Немедленно снять!

Комбат делает страшное лицо, машет рукой:

— Брысь!

Свора движется дальше. Уф-фф! Пронесло.

Спрашиваю дневального, стоящего под грибком:

— Сеня, что это было?

— Чего?..

— Кто этот, в шляпе? Главное лицо государства?..

— Нет. Хуже! Правозащитник. Из Москвы.

Под вечер разбредаемся по палаткам. В печке-буржуйке потрескивают дрова, в открытом пологе виднеется холодное звездное небо.

Утром появляется командир роты. Майор! Косая сажень в плечах. Красавец!

Прямо хоть сейчас на плакат: «Армия — это школа жизни!»

У нашего командира изрядно помятое лицо, зато он в новом комке, сверкающих гуталином берцах.

— Здравствуйте, товарищи солдаты!

— Здра-ра-ра!

Кто-то крикнул: «Генерал», кто-то: «Полковник». Шашорин, кажется, вообще послал его к матери, в общем, всем было по фигуре. Ротный почему-то сразу начал кричать:

— Я, майор Дронов, буду командовать вашей ротой!

Ну что ж, командуй. Посмотрим.

Шашорин толкает меня плечом: «Смотри, у ротного трясутся колени». У нашего командира действительно наблюдался тремор конечностей. Причина, скорее всего, в глубоком похмелье.

— Бойцы, за неделю вы должны научиться воевать! Незаконные бандформирования... тра-та-тата... вы с честью... тра-та-та... мирное население... тра-та-та... тра-та-та... Нас ждут в Чечне, очень ждут! Мирные жители Чечни устали от войны... тра-та-та ждут, когда вы освободите их от ваххабитов... Руководство государства приняло решение!.. тра-та-та...

— Блин, где-то я уже это слышал.

После завтрака мы чистим оружие, собираем. Потом разбираем и снова чистим. Новенькие автоматы пахнут железом и ружейным маслом.

К вечеру пошел дождь. На сапоги налипли комья грязи, бушлат стал похож на тряпку, которой вымыли пол. Пропахшая дымом палатка кажется раем. Пришлось выделить всем по пятьдесят грамм из заветной фляжки.

Ночью проснулись от стрельбы. Часовой застрелил корову, которая ночью не захотела остановиться на окрик «Стой! Стрелять буду!» и при выстреле в воздух рванула с перепугу на часового. «Нарушитель» был убит.

Утром корова была отправлена на кухню, а бдительный часовой на утреннем построении получил благодарность от командира роты и пожизненный позывной — Убийца.

После построения Прибный придумал развлекалочку. Приказал притащить с кухни внутренности убиенного животного. Коровьи кишки затолкали в солдатское обмундирование. Нам ставилась задача — обыскать чучело и найти спрятанные документы.

Копаться в осклизлых кишках неприятно, но надо через это переступить, иначе как потом убивать людей, то есть бандитов?

Степаныч много рассказывает о первой чеченской и о новогоднем штурме Грозного. Большие потери были потому, что мальчишки-срочники были не готовы убивать, их не готовили к войне в собственной стране.

Прибный вбивает в наши головы:

— Разведка называется разведкой не потому, что быстро бегает, бесшумно ползает и метко стреляет. Разведка выполняет специальные задачи — те, которые никакой суперловкий и супербыстрый спортсмен выполнить не сможет в силу их полной аморальности. Настоящий разведчик, чтобы не засветить группу, должен суметь убить невинного человека. Пусть даже это будет женщина или ребенок. И делать это надо спокойно, без истерик, соплей и сантиментов. Настоящий разведчик ради выполнения боевой задачи должен уметь преступать закон. Иногда врать. Поступаться принципами морали! Забыть о том, что такое хорошо и что плохо! Ради одного — выполнения боевой задачи! Получения информации или уничтожения противника! Это надо запомнить всем.

Мы дружно киваем головами. Все понятно. Хотя лично мне непонятно. Как это: убивать детей?! Мы что, беспредельщики? Или фашисты?

— Перекур.

Мы закуриваем. Прибный прячет сигарету в кулаке, чтобы не был виден огонек. Ловлю себя на мысли, что копирую его жесты.

Степаныч докуривает сигарету, бережно заворачивает ее в клочок бумажки, прячет в карман.

— Продолжим, головорезы.

Мы сдержанно гогочем.

— При работе с объектом, его задержании, допросе, конвоировании вы должны задавать в себе все чувства к нему, иначе появится психоэмоциональная зависимость. Рано или поздно вам станет его жалко, потом начнете ему сочувствовать, потом появится желание помочь. В конечном итоге, вы просто не сможете заставить себя нажать на спусковой крючок. Или наоборот. Сначала объект вызовет антипатию, потом стойкую неприязнь, потом ненависть. В итоге вместо хладнокровного проведения операции начинается фейерверк эмоций. А где эмоции, там нет места трезвому расчету и прогнозированию ситуации. Это почти всегда ведет к срыву операции.

Я начинаю размышлять: смогу ли я убить ножом? Не животное, а человека? И отвечаю без колебаний. Да! Смогу! Мысль об этом почему-то не заставляет содрогнуться.

Так прошло семь дней.

...Однажды утром нас разбудил прапорщик — старший по лагерю. Было жутко и холодно. В морозном ноябрьском небе, над огромным военным муравейником, над заиндевевшими стволами пушек и пулеметов бронемашин, косящихся в сторону гор, над трубами остывших буржеек тускло мерцала луна — солнце мертвых. Не хватало только красноликого всадника с копьём и Сатаны, разрушающего город.

ЧЕЧНЯ

Невыспавшиеся и раздраженные, мы грузим свое барахло в грузовики. Стоит душливый запах солярки и выхлопных газов.

Часа два мы разбираем и таскаем палатки, десятки ящиков с патронами и гранатами, тушенкой и рыбными консервами, мешки макарон, крупы, сахара. Какие-то бидоны. Печки-буржуйки... Фу-ууу, слава богу, загрузились.

Потные и усталые лезем на броню, пристегиваем магазины, кто-то крестится.

Мы идем колонной. Рыжая чеченская степь, побитые пулями редкие столбы. Дорога в ухабах и колдобинах. Везде тяжелая бронетехника и вооруженные люди в военной форме. Вдалеке в небе висит громадное облако дыма.

Это Грозный. Он горит.

Чувство тревоги не покидает ни на мгновение. Ощущение, что мы оказались в эпицентре боевых действий. Мозг разрывает какой-то зловещий сюрреализм: в ста километрах отсюда — мир и ночные огни курортного Пятигорска, а ты в окопном дерьме.

На броне БМП холодно, сидим на подушках и казенных матрасах. Рядом со мной Степаныч:

— Ты запомни, Алоша, большинство потерь на этой войне от подрывов. В прямом боестолкновении сейчас потерь почти нет. Это я к тому, что в атаку сейчас «героические повстанцы» не ходят. И все эти рассказы об отважных сынах гор, не прекращающих освободительную борьбу против оккупантов, просто сказки дядюшки Римуса. На самом деле все обстоит иначе. Темной ночью злой чечен заложил радиоуправляемый фугас, потом с безопасного места нажал кнопку и подорвал БТР или грузовой борт с живой силой. Погиб один федерал, пятеро получили ранения. Отважные мухаджиры потерь не понесли. Поэтому передвигаться желательно на броне, при подрыве больше шансов остаться в живых.

«Странно, но я не боюсь подрыва, я боюсь одиночества. Зачем она забрала Машку?»

Сквозь гул мотора слышу голос Прибного:

— При движении по городу другая головная боль — снайперы. Наловчились, суки бородатые, за пять лет нашего брата на мушку подлавливать. Работают обычно из полуразрушенных домов. Садят метров с пятисот-шестисот. Отстрелялся, винтовочку спрятал, отошел. И не прикопаться к нему: мирный чеченец, у него такой же паспорт, как у тебя, прописка, семья.

Я подаю голос:

— А что делать, Степаныч?

— Сложный вопрос, Алоша, но я бы сделал так. Прежде всего, назвал бы весь этот бардак так, как он этого заслуживает, — войной. Потом, в соответствии с законами военного времени, отселил бы из прифронтовой полосы мирное население. Ну а с теми, кто остался, работал бы как с потенциальным противником.

Я уточняю:

— Мочил бы в сортирах?

Степаныч соглашается:

— Да, и в сортирах тоже.

Я потуже запахиваю бушлат. Значит, будем мочить. Дрожите, супостаты.

Через пару часов колонна остановилась в чеченском селе. Степаныч уходит к ротному. Оглядываюсь по сторонам. Свинцовое небо, серые дома. Окна заклеены газетами. Почему-то нигде нет занавесок. Под ногами раскатанная колесами, липкая чеченская грязь. На перекрестке черными воронами торчат несколько стариков в каракулевых папахах.

Нам отводят двухэтажное здание дома быта. В нем разбиты все окна, на двери надпись мелом: «Минировано». Под окнами — россыпь стреляных гильз.

Двор напоминает свалку, везде валяются ящики, стулья, прошитый очередью холодильник с оторванной дверцей, тряпье, консервные банки, котелки. Вдоль забора располагаются огневые точки.

Пока личный состав тусуется во дворе, собирая мусор и устанавливая полевые кухни, саперы ищут в здании растяжки. Растяжка — это, как правило, ручная граната, у которой уже разогнуты или отломаны кончики усиков, а к колечку привязана тонкая, но прочная лесочка. Или проводок. Это непринципиально. Главное, чтобы он был прочный и не блестел. Второй конец провода крепится к чему-нибудь такому, что может сразу привлечь внимание.

Когда рычаг-предохранитель отлетает, ударник под действием боевой пружины накалывает капсулю-воспламенитель. Через три-четыре секунды по горючему составу замедлителя огонь доходит до капсуля-детонатора. И если щелчок воспламенителя еще слышен, то взрыв уже нет.

Степаныч рассказывал, что в первую войну «чехи» любили минировать кастрюли с едой, подкладывать растяжки под тела погибших или под оружие.

Есть, нашли. Черноусый сапер держит в руках две «эфки» в зеленых ребристых рубашках. Вот твари бородатые. Не-е-ет! Только мочить.

Подъезжает уазик военного коменданта. Пока полковник Волошин о чем-то совещается с ротным, его водитель вытаскивает из какого-то шкафчика ковер и прячет его в машину. Наверное, увезет трофей домой, в качестве репараций.

Это была самая настоящая война. С погибшими и ранеными, взрывами, пожарами, грабежами. Она шла своим военным ходом, несмотря на то что ее то стыдливо называли контртеррористической операцией, то восстановлением конституционного порядка. Понимание этого сводило с ума, и лишь воспоминания о прошлой жизни, о дочери терзали мою душу, будоража простые чувства, забытые ежедневной тоскливой суетой.

Точно такой же ковер висел в детской у Машки. Я заплатил за него пять тысяч. Или семь?

На душе почему-то муторно.

ПОЗЫВНОЙ

В современных и плохих фильмах о войне бойцы и офицеры обращаются друг к другу исключительно по фамилии. Или по званию, типа:

— Товарищ рядовой, я приказываю вам подавить огневую точку противника!

А рядовой отвечает:

— Есть, товарищ сержант. Разрешите выполнять?

А в боевых условиях не до уставщины. В бою некогда выговаривать звание или фамилию, поэтому бойцы общаются между собой при помощи жестов, друг друга называют прозвищами. Прозвища — это не клички, клички — у собак. У разведчика или бойца спецназа — позывной. Что он означает? Это его второе имя. Причем именно под этим, придуманным, именем солдат или офицер тянет лямку, воюет и погибает. Такова специфика военной работы.

У чеченцев, насколько я знаю, то же самое. Но «чехи» любят присваивать себе громкие прозвища, которые называют позывными. Например, полевой командир Абубакаров Тимур назвал себя — Шторм, Осмаев Ризван — Кобра. Исмаилов Хусейн имел позывной Патруль и еще множество других, не менее напыщенных. Встречались даже романтики — Капитан Клосс, Черная чайка, Брат эфира, Серебряный Лис, Фантомас.

В российской армии никаких правил для подбора позывных нет. В разных подразделениях действуют разные требования к этой процедуре. Как правило, позывной каждый выбирает сам. В основном не мудрили — за основу бралась фамилия. Учитывались и род деятельности, и характерные особенности бойца. Так Липунов стал просто Липа, Спесивцев — Псом, Серега Белов — Зайцем.

Степаныч говорит мне:

— Надо и тебе, Алоша, позывной подобрать, чтобы был, как все приличные люди.

— Надо так надо. Можете звать меня полковником.

— Полковник не пойдет, ротный обидится. Он ведь всего лишь майор, да и позывной длинный. В бою не всегда выговорить успеешь. Давай по фамилии, ты у нас Майер, значит, будешь Майором.

Я согласен, буду Леша Майор.

«ЧЕХИ»

Майор Дронов тычет пальцем:

— Ты, ты, ты и ты пройдете к школе. Есть информация, что в доме напротив кто-то прячется. Дом нежилой, хозяева уехали еще в первую войну. Посмотрите, что и как.

Я, Заяц, Першинг и еще какой-то парень из первого взвода идем к школе. Указанный дом зарос бурьяном, саманные стены покосились, окна заклеены газетами. На двери висит большой замок. Досылаю патрон в патронник, приклад упирается в плечо. Я слатаываю слону, мне не по себе. Вполне допускаю, что сейчас придется стрелять по людям. Я и Заяц страхуем окна, Першинг трогает замок. Он неожиданно легко открывается, дужку просто набросили для вида. Парень из первого взвода предлагает:

— А может, сначала гранату? В первую войну так и делали.

Першинг отрицательно качает головой:

— Не надо, потом прокуратура затаскает. — Коротко выдыхает: — Помогите, Господи!

Мощным плечом вышибает двери и ревет:

— Лежать, суки!

Мы стоим у окон, готовые в любое мгновение открыть огонь. В доме тишина. Оглядываясь по сторонам и выставив вперед стволы автоматов, медленно крадемся в дом. Маленькая кухня, через нее дверь в единственную комнату.

Сердце колотится где-то в горле, готовое вот-вот выскочить. Дыхание срывается...

В комнате никого нет, пожелтевшая от времени побелка на стенах, полное отсутствие мебели. На грязном полу лежит окровавленный матрац, рядом ведро с водой, несколько использованных одноразовых шприцов, куски простыни.

Это лежка. Уже пустая, ушел, волчара. Мы выходим из дома, разряжаем автоматы. В душе копошатся непонятные чувства, с одной стороны — радость оттого, что сегодня пронесло. С другой — сожаление, что ничего не произошло. Как в электричке: купил билет, а контролеры прошли мимо. Досадно! Душа требует адреналина.

Неожиданно раздается выстрел. Боец из первого взвода отстегнул рожок, но забыл передернуть затвор, чтобы выкинуть патрон из патронника. Вот мурак! Вполне мог и кого-нибудь пристрелить.

Надо срочно валить. Сейчас, услышав выстрел, примчатся коменданчи или омоновцы, стыда не оберешься. Или придется опять играть в войнушку со своими.

На улице, рядом со школой, стоят несколько молодых чеченских парней. Все в кожаных куртках, норковых шапках. Оружия вроде нет, но смотрят насмешливо. Один из них всматривается в наши шевроны, нашитые на рукавах бушлатов, и медленно, с издевкой читает:

— Росси-я-яяя.

Они совсем непохожи на несчастных аборигенов, жертв российской военщины, дерзкие, наглые. Вызывающе смотрят в лицо. Не отводят взгляд. Упиваются своей безнаказанностью.

Запоминаю лицо говорящего. Высокий, худой, сильно сутулившийся, щетина, дерзкие глаза. На его густо заросшем черными волосами горле дергается острый кадык.

Сука, дать бы тебе прикладом по башке!

МИРНОЕ СЕЛО

Село, в котором расположилась рота, считается мирным. До Грозного — километров пятьдесят, боевиков нет. Уже нет или пока нет, вопрос риторический. Но, в любом случае, крайне не рекомендуется гулять одному или без автомата. И весь район является сегодня одним из самых спокойных в республике, поскольку он расположен не в горной, а в равнинной части Чечни.

Но это обстоятельство никак не свидетельствует о лояльности местных жителей к властям и российской армии. Считается, что «равнинные» чеченцы, в отличие от «горных», отличаются более высоким образовательным уровнем, бóльшим миролюбием и пророссийскими настроениями. Отчасти это справедливо, наверное, в отношении тех районов, заселение которых чеченцами проходило в годы советской власти, когда они интегрировались в производственный процесс местных колхозов и предприятий, жили долгое время бок о бок с казаками и русскими, многое переняли из их быта, словом, «цивилизировались». Село, в котором стоит наша рота, начало интенсивно заселяться чеченцами уже при Дудаеве, и сопровождалось это избиением, изгнанием, а то и убийствами жителей-нечеченцев, в основном русских.

Большая часть новых жителей именно из горцев, именно тех, о которых писал Лев Толстой в своем «Кавказском пленнике».

В их представлении любой иноплеменник — это существо низшего порядка. Потому в отношении коренного населения никакими рыцарскими комплексами они не страдали. Один из местных жителей рассказывал мне, что, когда российская армия после окончания перемирия вновь вошла в Чечню и пошли слухи о том, что всех повинных в захвате русских домов, убийствах и изгнании их владельцев будут судить и стрелять, многие, у кого были замараны хвосты, бросали дома и вместе со скарбом уезжали за Терек. Но потом, увидев, что нашему гаранту не до них, и убедившись, что возмездия опасаться не надо, вернулись назад.

А когда-то в этом селе жили казаки. Они дрались здесь за каждый камень, каждый метр земли, отбиваясь от воинственных горцев и не менее воинственных калмыков.

Теперь только неухоженные могилы, разбросанные кое-где на окраине села, говорят о тех давно минувших временах.

В Гражданскую войну двадцатипятилетний белогвардейский полковник Васищев с сотней казаков взял здесь в плен целый корпус красных. А потом отпустил. Всех. Такая вот загадка тонкой белогвардейской души.

Все это я прочитал в одной книжке, найденной мной в школе.

На той же улице, где расположились мы, примерно метрах в ста, стоит школа. Раньше в ней учились дети, потом располагались боевики, а когда они ушли, двери и окна просто забили досками, написав на них мелом: «Осторожно, мины!».

Во время построения меня всегда мучает ощущение того, что кто-то смотрит мне в затылок с чердака школы. Вполне может быть, что на меня смотрят сквозь прорезь оптического прицела.

Саперы во главе со Степанычем с самого утра чистят классы и помещения школы от растяжек. Мы с Саней Псом, вроде как на посту, сидим на партах в разминированном классе и треплемся за жизнь. Пес, бывший сержант внутренней службы, раньше охранял зону где-то в Сибири. Его фамилия Спесивцев, приехал в Чечню зарабатывать на квартиру. Как-то так получилось, что его сразу стали звать Псом, сначала за глаза, а потом и в лицо. Может быть, за прошлую должность, пес конвойный, а может быть потому, что прозвище созвучно фамилии. Пес не обижается. Болтаем о разном. О родителях, о женах. Об отсутствии у Пса жилья. От том, где и кем кто работал. Он очень удивился, узнав, что у меня свой бизнес, тесть генерал. Правда, я не стал уточнять, что тесть уже, наверное, бывший.

Пес спросил:

— А зачем ты здесь?

Действительно. Зачем?..

Классы загажены и изуродованы, завалены разбитыми, поломанными столами и партами. Они, конечно же, исписаны и разрисованы как в любой нормальной школе: «Русик + Лейла = любовь, «Леча — ишак».

Когда-то в десятом классе мы с Вовкой Некрасовым тоже расписали свой стол мудрыми изречениями, типа: «Знания рождают грусть. Чем больше знаний, тем больше печали».

На следующий день в класс пришел директор, Владимир Андреевич Шкалович. Суровый и немногословный мужчина, ранее занимавший командные должности на флоте. Меня он не любил. Вовку терпел, поскольку его отец возил на «Волге» секретаря райкома и пил с нашим директором водку в райкомовском гараже.

Шкалович посмотрел на меня суровым взглядом строгого боцмана:

— Завтра приведешь в школу родителей, предупреди, чтобы принесли деньги на новый стол, восемьдесят шесть рублей четырнадцать копеек, — потом перевел

взгляд на моего поделщика, подумал и добавил: — Или краску. Стол покрасить заново, чтобы утром был как новый.

Вовка нашел краску у отца в гараже. Весь вечер мы красили парту. Краска вместо голубенькой оказалось ядовито-синей, да еще и замешанной на ацетоне. Стол, выкрашенный сначала масляной краской, а потом эмалью, вздулся пузырями и стал походить на отвратительную жабу мерзкого синего цвета. Мы просидели за этой жабой до конца года, а на выпускном Вовка на ней лишил невинности гордость нашей школы Лену Лисицину.

По слухам, отличницу лишали добродетели до этого и после, так что Некрасову я не верю, вполне возможно, что он просто был пьян и ничего не понял.

В углу класса валяется разбитый школьный глобус, там же разбросаны старые тетради, газеты и учебники. Я подобрал хрестоматию по литературе. Теперь перед сном я читаю. Предпочитаю русских и зарубежных классиков.

В последнее время я физически не могу читать бред современных авторов, по той простой причине, что они сами ничего не понимают в жизни.

БОЙ С ТЕНЯМИ

Мы спим в бывшем пошивочном цехе, переделанном под кубрик.

Когда-то это была обычная, классическая швейная мастерская. Со стенами, выкрашенными в голубенькую краску, побеленными известкой потолками. С решетками на окнах первого этажа, сваренными из прутьев арматуры. С разбитой доской передовиков производства, забытой в углу, портретом вождя революции, обнаруженном в подвале, и подвальные крысы, которые появлялись в самых неожиданных местах, внося крики и оживление в наш и без того беспокойный ритм жизни.

Степаных раздобыл где-то двухъярусные металлические кровати с панцирной сеткой. Кровати кое-где покрылись ржавчиной, не хватает также металлических спиралей, но все же это лучше, чем спать на деревянных топчанах, называемых вертолетами. Окна кубрика заложены мешками с песком, в углу — печка-буржуйка. Для уюта и удобства мы притащили сюда стол и стулья. У входа — ящики с патронами. Там же несколько автоматов. На стволы надеты солдатские кружки.

Я, не раздеваясь, падаю на кровать, автомат ставлю рядом с кроватью. Закрываю глаза и представляю, что держу в руке теплую Машкину ладошку. Медленно, но неотвратимо проваливаюсь в сладкую нирвану. Мне снится сон. Я тряпичная кукла, обыкновенная марионетка, играющая в спектакле. К моим голове, рукам и ногам привязаны нитки, которые заставляют меня двигаться, шевелить руками, ногами.левой... правой, движения руками какие-то чужие, не мои.

Вокруг меня такие же куклы. Мы исполняем все, что нужно нашему кукловоду: ходим, деремся, смеемся и плачем. Зрителей не видно. Но они где-то здесь, рядом, они наблюдают за нами, я ощущаю их присутствие, дыхание, взгляды из темноты.

Мне некогда думать, в голове только одна мысль — не выпасть из ритма, шагать в ногу. Раз-два, прямо, раз-два влево.

Внутри меня поднимаются злоба и бешенство. Я хочу закричать: «Не хочу! Я выхожу из игры!» — но натянутые нитки не дают мне остановиться, и спектакль продолжается. Наконец все закончено, я стою на краю сцены, с бессильно опущенными руками и вдруг слышу аплодисменты зрителей.

Просыпаюсь от частых хлопков — тах-тах-та... та-татах... Это не овации, это садит пулемет.

Бросаемся к окнам, превращенным в бойницы. В небо взлетают осветительные ракеты, оранжевые тени скользят по земле. На улице не видно ничего: темно-синее небо и чернота, и в этой темноте летят трассеры.

Беленко спросонья кричит:

— Бля...! Кто стреляет?

Ему отвечают:

— Кто, кто? Марсиане в пальто!

К пулеметным очередям добавляется стрекот наших автоматов.

Прибегает Степаныч:

— Тихо, раздолбай, прекратить пальбу!

Объясняет, что случилось. Ночью часовой заметил огонек сигареты в слуховом окне на чердаке школы. Решил, что там прячется вражеский снайпер. С перепугу в течение двух минут расстрелял два магазина. Стрельбу услышал пулеметчик на крыше комендатуры, поддержал огнем. Потом вступили в бой наши бойцы и омовцы. Воевали полночи. Трупы боевиков в школе не обнаружили. Ротный сказал, что, скорее всего, ваххабиты унесли их с собой.

Чтобы отметить победу, Гизатулин достает из записки фляжку с водкой, призывно машет мне рукой. Я, в отличие от командира отделения разведки, не лошадь, чтобы пить среди ночи, у меня есть принципы. Решительно отказываюсь.

Утром, невыспавшиеся и злые, мы толпимся в кубрике. Слышно, как за стеной орет ротный:

— Где разведчики? Гизатулина ко мне!

Когда в армии тебя внезапно дергают к начальству, не жди ничего хорошего. Ромка в полном ах...е. От него разит свежим перегаром.

— Мля-я-я... Учует. Иди ты!

На сапогах ротного желтая чеченская грязь.

— Где старшина?

— У соседей, договаривается о взаимодействии. Я остался за него.

Майор разворачивает карту, тычет грязным пальцем.

— Сейчас берешь БРДМ, троих разведчиков и выдвигаешься вот сюда. Там вас встретят офицеры военной прокуратуры, ну и особыты, куда же без них. Остаетесь при них до особого распоряжения. Выполнять!

— Есть.

Похватили оружие, Заяц, Серый и Першинг прыгнули на броню. Я сел за пулемет. Механика-водителя нет.

Митя Першинг бьет прикладом автомата по броне.

— Механ!.. Механ, бля! Где ты есть?

Андрюша Шашорин бежит легкой трусцой, в руках у него три сухпая.

— Чего разорались, на войну не успеете?

Механ злой, как собака. Пока мы прохладжались, он с утра успел почистить пулеметы и перетащил в бардак боекомплекты для ПКТ и КПВТ.

Он долго не может успокоиться.

— Старшина, морда козья, два сухпая зажал. Наверное, опять «чехам» продал.

В Чечне воруют и продают всё, что можно. Все, кто может. Генералы крадут эшелонами, удачливые прапора машинами. Наш старшина меняет говяжью тушенку на водку.

С кургана Грозный виден как на ладони, вчера здесь откопали захоронение, братскую могилу.

В яме уложены несколько десятков тел. Славянской внешности. У всех руки скручены проволокой.

Многие лица обезображены выстрелами кажется, что головы им разбивали молотком или обухом топора. Глаза, уши, рты забиты землей. Те, что лежат сверху, на вид совсем школьники, несчастное поколение семидесятых, недоедающие дети безработных отцов. Грязное, разорванное, прожженное обмундирование, обезображенные тела.

Краем уха слышу, как майор-особист вполголоса рассказывает двум полковникам из штаба группировки:

— Их сюда согнали со всех фронтов, были и раненые. Голодом морили, били, как собак, до смерти, особенно офицеров и контрактников. Многие были просто живыми трупами, даже ходить сами не могли. Рыли окопы, строили укрепления. Яму эту тоже рыли сами. Ну а потом перед нашим наступлением их и положили. Всех...

Мне становится плохо, к горлу подкапывает рвотный ком. Водки бы сейчас стакан, залпом.

Ноги становятся ватными, я присаживаюсь на корточки, прислонившись спиной к колесу БРДМа.

На их месте вполне мог и может оказаться любой из нас. Степаныч, и Першинг, и я. Как же страшно и больно им было умирать! Господи, куда я попал, зачем мне все это?

ЗАЧИСТКА

На утреннем разводе ротный ставит задачу. Один взвод остается на базе, для несения караульной службы, три выдвигаются на зачистку в соседнее село.

Работаем вместе с ОМОНОм и «вовчиками» — вэвэшниками из оперативной дивизии ДОН. Сводная колонна медленно втягивается в село. В голове постепенно возникает ощущение того, что все идет не так, как надо. Полная несогласованность действий, никто не знает, что надо делать. Полчаса стоим в селе, курум, озираемся по сторонам.

Кое-кто, не выдержав, пробирается в ближайšie дворы. Везде стоит тревожно-звонкая тишина. Селяне, поначалу прячущиеся по домам, начинают несмело пялиться на нас из-за заборов.

Командиры совещаются, бесконечно запрашивают комендатуру. Степаныч, похожий на большого и рассерженного медведя, трусцой направляется к командирской машине.

Наконец-то поступает команда блокировать и зачистить центр села. Бойцы бросаются вперед, оцепляют два-три дома, следом идет группа блокирования и досмотра. Мы держимся компактной группой — я, Першинг и Пес. Бредем по селу, сгибаясь под тяжестью бронезилов. Внезапно вдалеке грохнул выстрел из подствольника. Следом автоматная очередь. Еще одна. Еще и еще.

Неприятный холодок в груди, замирает сердце. Вжимаю голову в плечи, но бегу к дому. Перед воротами плюхаюсь на землю. Где ребята — не вижу, но знаю, что они где-то рядом. Мое сердце как птица рвется из груди, руки ходят ходуном. Рву застежки бронезилов и, теряя шапку, выскальзываю из лямок. Бросаю броник, все равно в военных действиях он бесполезен. Его пластины пробивает пуля от «Калашникова» любого калибра, а от снайперской винтовки тем более.

Без броника становится легче. За моей спиной раздаются автоматные очереди. Бьем по окнам. Стреляем из автоматов, подствольников.

Нам в ответ тоже летят очереди. Ощущение, что стреляют в меня. Из дома вырываются несколько мужчин, через двор бегут в соседние огороды. Следом за ними рванули Першинг и еще несколько бойцов. Раздается несколько одиночных выстрелов. Стреляет наш снайпер, он у нас совсем недавно, я даже не знаю, как его зовут.

Во дворе, прислонившись спиной к стене дома, сидит старик чеченец. На его ногах резиновые калоши, надетые на толстые носки. Скрюченные от старости руки сжимают толстую палку. У старика, как у тигра, желтые от ненависти глаза. Мы с автоматами в руках пробегаем мимо. Першинг с бойцами за ноги тянут трупы двух мужчин. У одного из них выбритая голова и борода. Брюки заправлены в носки. Прибный разрезает на нем штаны, нижнего белья нет. Без трусов — значит, ваххабит.

Из горящего дома прикладами выгоняют мужчину лет сорока. Он небрит, на лице кровь.

К дому подошел БТР. Задержанному чеченцу связывают руки бельевой веревкой, на голову натягивают куртку, заталкивают в БТР. Дом продолжает гореть. Во дворе на окровавленном и подтаявшем от жара снегу лежат несколько расстрелянных овец. Мне жаль бессловесных животных. Они-то уж точно ни в чем не виноваты. Возникает, но тут же пропадает мысль: «Господи, их-то за что?..»

Плачущие женщины за ноги тянут окровавленные пушистые тушки в сарай.

Мы прыгаем на броню, подъезжаем к комендатуре.

В кузове «Урала» привезли чеченские трупы, сбросили в чавкающую грязь. Завтра приедут родственники, завернут их в одеяла и увезут по домам, хоронить.

Пес нервно курит, трогает меня за рукав:

— Леха, ты знаешь, что такое жопа? Жопа, это переводится — жизнь в опасности. Завтра могут ведь и нас в яму. Вот и выходит, что мы сейчас в жопе.

КЛАДБИЩЕ

Кто-то из каракулевых папах, вечно отирающихся у комендатуры, шепнул коменданту, что боевики собираются взорвать мусульманское кладбище, а потом свалить это на нас. Дескать, федералы осквернили национальные святыни.

Местное чеченское кладбище сразу привлекает внимание отсутствием оград между могилами и лесом высоченных, в три метра, пик или металлических шестов. На концах некоторых — полумесяцы, флажки, флюгеры с чашечками, вращающимися на ветру.

Нам уже разъяснили, что так отмечают могилы тех, кто убит в бою. Если воин не отомщен — его пика смотрит в небо пустым острием, у отомщенных на острие появляется полумесяц.

Отделение саперов и разведка выдвигаются к кладбищу. Разделив кладбище на сектора, мы медленно осматриваем могилы. Движемся на безопасном удалении друг от друга, стараясь ступать след в след, кто его знает, что придумали эти «чехи». Они ведь известные придумщики.

Может быть, закопали фугас в землю и теперь только и ждут, когда можно будет угробить всех нас. Нехорошее ощущение в груди. Что это? Шестое чувство, сигнализирующее об опасности?

Я смотрю на торчащие пики. На этом кладбище их очень много, оно оцетинилось ими, как дикобраз своими иголками. Много здесь было пролито крови, порою безвинно.

Говорят, что шариат не одобряет различные надмогильные постройки типа камней с изображением покойного, поскольку богатые склепы, мавзолеи и гробницы вызывают у некоторых мусульман зависть. Также не одобряется, когда могила служит местом молитвы. Отсюда требование шариата, чтобы надгробные памятники не были похожи на мечети.

На памятниках — арабская вязь. Рекомендуются на надгробном камне писать следующие слова: «Инна лиЛляхи уа инна иляйхи раджиун», что означает: «По истине, мы принадлежим к Аллаху и к Нему будем возвращены».

Муаз ибн Джабаль приводит такой хадис: Пророк сказал, что тот, у кого последним словом будут слова «Калимат-шахадат», обязательно попадет в Рай. Согласно хадису, желательно читать умирающему суру «Ясин».

Но пишут кто во что горазд...

За четыре часа мы медленно осмотрели большую часть кладбища.

Растяжек и фугасов не нашли. Скорее всего, каракулевые папахи пошутили над нами, заставив прочесывать пустое кладбище. Возвращаемся домой. В голове занозой торчат стоящие ровными рядами пики. Сколько же их много! За каждой из них — наши жизни. Кровная месть в представлении чеченцев не имеет сроков давности. Выходит, что мои дети и внуки через много лет тоже будут месить чеченскую грязь в этом непонятном и враждебном краю?

Ровно через три года, гуляя по парку в окрестностях города Кельна, я набрел на немецкое кладбище. Здесь все, как принято в Германии: аккуратные дорожки, ухоженные могилы, надгробья с расписиями, мерцающие свечи. Поют птицы, у некоторых могил копаются в земле родственники или служащие. Они добры и улыбчивы, подсаживают и поливают цветы, и нет никаких торчащих пик...

ДОМОЙ

На утреннем построении ротный объявил, что к нам едут телевизионщики. Личному составу было приказано побриться и привести себя в божеский вид. Алкоголь категорически не употреблять! В присутствии журналистов матом не выражаться! Правительство и вышестоящее командование не ругать!

На Дронове новенькие резиновые сапоги. Отмытая от липкой чеченской грязи обувь блестит и составляет предмет его отдельной гордости. Рота завидует своему командиру. В Чечне не грязь, а грязница, жирная и липучая, которая налипает к сапогам и ботинкам толстой тяжелой лепешкой устрашающего размера. Если ее не счищать, через некоторое время она отваливается сама, под собственной тяжестью.

Ближе к обеду в сопровождении БТРа показался телевизионный микроавтобус. Телевизионщики были как телевизионщики, два парня — оператор и ассистент — и женщина-журналистка. Заправляла всем, конечно же, баба. Она сразу же вцепилась в Дронова, который по этому случаю нацепил на себя разгрузку с магазинами, нож разведчика и смотрелся как настоящий рейнджер.

Для достижения эффекта реальной боевой обстановки майора ставят у стены школы, на которой красуется надпись краской «Аллах акбар» и выщербины от пуль.

В нескольких метрах поджигают автомобильные покрышки, и теперь ветер гонит черный жирный дым прямо на красивое и мужественное лицо нашего командира, рассказывающего о вчерашней операции, уничтоженных боевиках и тяжелых боевых буднях подразделения.

Журналистку, ее зовут Ольга, интересуют злодеяния боевиков, подорванная бронетехника, трупы расстрелянных боевиками мирных жителей. Желание добыть сенсацию настолько очевидно, что Прибный начинает материться и уходит.

Объектив камеры скользит по заляпанным грязью боевым машинам, антеннам радиостанций, мелованной надписи «Мины» на заборе, россыпи стреляных гильз на дороге и мирным жителям в каракулевых папахах, вечно торчащих у крыльца комендатуры. Сюжет снят.

Телевизионная группа плавно перемещается в апартаменты военного коменданта, где в честь высоких гостей дается обед в присутствии старших офицеров комендатуры.

Примерно через пару часов появляется Дронов.

Рядом с ним замок второго взвода Женька Келлер. Наш ротный лениво его вопрошает:

— Ну и где я тебе найду стрелка? Рожу, что ли? Бери своего.

— Не могу. Расстройство желудка у него, товарищ майор. Сожрал что-то, а может быть, даже дизентерия, гадит дальше, чем видит.

— Ну да, чеченцы отравили. Купи ему памперсы на рынке!

Келлер косит на меня глазом. Что-то бубнит на ухо майору. Догадываюсь, речь идет обо мне.

Ротный поворачивается ко мне лицом, делает неопределенный жест рукой.

Приближаюсь.

— Поступаешь в распоряжение Келлера, выезжаете на сопровождение журналистов. Сядешь на пулемет. На обратном пути приведете машины с гуманитаркой.

Механик-водитель разогревает БРДМ. Один из бойцов проверяет радиостанцию.

— Липа, Майор и Першинг в броню, — командует Келлер, — остальные на свежий воздух.

Внутри БРДМ, кроме нас и Келлера, механик-водитель Сашка Кучер. Сверху на броне, подложив под себя подушки и резиновые коврики, садятся бойцы первого взвода. Рассовали боекомплект по разгрузкам, тронулись.

Под колесами серо-зеленого БРДМа весело хрустит ледок подмерзших луж, собачьим хвостом вьется сизый дым из выхлопной трубы. Водитель яростно крутит руль, стараясь удержать тяжелую машину в наезженной колее. На обочине дороги вполне может быть зарыт фугас или еще какое-нибудь хитрое устройство, способное превратить разведывательно-дозорную машину в братскую могилу.

На этой войне нет нашей территории. Ты всегда во вражеском окружении. Смерть может ожидать тебя на пороге мирного, оставленного жителями дома от взрыва гранаты-растяжки или от пули снайпера, прилетевшей из чердачного окна соседнего дома. Какая-нибудь машина-развалюха, остановившаяся рядом с армейской колонной или просто оставленная без присмотра у кафе-забегаловки, запросто может взлететь на воздух. Все это до сведения водителя доводит Женька Келлер. Все зовут его Киллер, так привычной. Он сидит на командирском месте и читает Кучеру краткий курс выживания на войне. У Женьки это получается, до контракта за его плечами было два курса пединститута, больше закончить не успел, выгнали.

— Даже когда ты сидишь в сортире без штанов, у тебя в руках должна быть не бумажка для подтирания задницы, а автомат. Всегда стреляй первый. Запомни, из тюрьмы выход есть, из могилы нет. Не верь никому, ни русским, которые еще остались здесь, ни бабам, ни детям. Полгода назад контрабасы из дивизиона сняли русских баб, утром проснулись, а собственные головы валяются под кроватями.

Женька хохочет от собственной шутки. Говорит, что после контракта уедет в Москву и станет киллером. Остальные разведчики собираются в ОМОН. Будущие

менты и преступники не испытывают друг к другу никакой неприязни, у каждого своя судьба и своя дорога.

Водитель спрашивает:

— Женья, а ты убивал?

Киллер долго молчит, потом нехотя бросает:

— Да, двоих, ножом. Из автомата не считал, в бою считать некогда.

Потом внезапно раздражается и кричит:

— Смотри лучше за дорогой, Шумахер.

Разговор прерывается, Сашка, обиженно сопя, крутит руль, Келлер уходит в свои мысли.

У Киллера в Чечне уже второй контракт, Кучер две недели назад прибыл с пополнением откуда-то из сельской глубинки. Кучер — это не позывной. Это фамилия.

Машина въезжает на окраину станицы и упирается в бетонный столб, лежащий на дороге. Столбы и плиты лежат по всей дороге, через каждые пятнадцать — двадцать метров. Машина замедляет ход и объезжает их змейкой. Келлер перебирается назад и крутит пулеметную башню. В перекрестье прицела появляются и пропадают серые дома, засыпанные снегом деревья и покрытые льдом лужи. На воротах многих домов висят большие амбарные замки, оконные стекла вместо занавесок закрыты газетными листами и плакатами.

На одном из них надпись «Лучшие меха “Imperia Furs”». На нем белокурая красotka в шубе из соболей соблазнительно манит к себе пальчиком.

С другого ослепительно улыбается бывший президент России в краповом берете. Вероятно, фото Верховного главнокомандующего призвано защитить дом от разграбления, но кто-то уже написал краской на стекле недлинное слово на букву «м» — «мудак».

Кучер виновато говорит:

— Женья, воды надо набрать, у меня радиатор подтекает.

Улицы безлюдны. Киллер командует:

— Давай к тому дому с синими воротами.

Во дворе дома копается старуха, из печной трубы пристройки тянет дымком. Разведчики прыгают на землю, осматриваются по сторонам. Кучер с ведром в руках бежит во двор.

Микроавтобус с телевизионщиками останавливается рядом. Киллер приказывает водителю не выходить из машины и не глушить двигатель.

Старуха поднимает закутанную в темный платок голову, пристально всматривается слезящимися глазами.

— Здравствуй, мать. Вода есть? — кричу я. Киллер и ребята держат окна и двери под прицелом автоматов. Старуха кивает головой:

— Есть, сынки, есть.

Я иду вслед за женщиной в дом, незаметно передвигаю флажок предохранителя на автоматический огонь. В доме царит нищета. В двух комнатах и крохотной кухне нет почти никакой мебели. У стены стоит старый продавленный диван, железная койка, деревянный шкаф с облупившимся лаком и обеденный стол, накрытый клеенкой. На диване, сгорбившись, сидит мужчина. Присмотревшись, вижу, что он молод, старят его белесая неопрятная щетина, больше похожая на пух, пустой взгляд почти прозрачных глаз, седоватые клочки волос, покрывающие голову. Вошедший следом Келлер спрашивает:

— Кто это?

Я кручу у виска пальцем. Старуха вздыхает.

— Сынок это мой. Бандиты у него жену и дочку убили два месяца назад, прямо в доме, на глазах. Вот он умом и тронулся.

Я слышал эту историю. Житель станицы Ахмед Ибрагимов, бывший по-чталбон, взял автомат, сел на велосипед и поехал по улицам, стреляя в людей, которые попадались ему на глаза. Он убил около сорока русских и пятерых чеченцев этой станицы. А за несколько дней до этого он зарезал чеченскую семью в соседней станице. Приговор ему вынесли сами же чеченцы, забив железными прутьями.

— Как же, мать, вы здесь жили? А мужчины ваши как же? Казаки? Почему не сопротивлялись?

Это спрашивает Кучер.

Старуха начинает плакать.

— Убили нашего атамана, сорок годков ему всего было. И семью его всю сказнили. Сыночки, вы даже не представляете, что здесь было. Убивали каждый день, отбирали последнее, девочек, женщин воровали и насиловали. У старух последнее отбирали.

Женька Келлер выходит из дома, лезет в машину и тащит оттуда вещмешок с продуктами.

— На, мать, это вам. Чем можем. Прости, что больше дать нечего. И запомни, мы больше отсюда не уйдем. Это наша земля.

— Спасибо, сынки. Буду Бога за вас молить.

Мы движемся по неширокой, но все-таки асфальтированной дороге. Наша конечная цель — Пятигорск. БРДМ впереди — за нами тащится микроавтобус.

Совершенно неожиданно пошел снег. Густая белая вата ложится на черные скрюченные деревья, мелькающие по сторонам дороги. Оседает на разбитом полотне дороги, грязно-зеленой броне, тут же превращаясь в снежную кашу. Ребята молчат, потому что в их сознании сейчас нет ничего, кроме этого снега, холода и войны. Мне кажется, что мой мозг начинает цепенеть. Я становлюсь равнодушным к собственной судьбе. Это опасно. Я пытаюсь побороть в себе апатию, на счет раз-два-три лезу к люку и высовываю свою голову навстречу холодному ветру. Снежные иголки тут же впиваются в мое лицо и шею, превращаясь в холодные ручейки, стекают по груди и животу. Нужно просто дать себе промерзнуть до костей, до мозгов, и тогда возмущенный организм встрепенется и заставит бояться боли, делая все возможное, чтобы не допустить ее.

Я не боюсь простудиться, во-первых, потому, что на войне, как правило, не болен «мирными» болезнями. Во-вторых, ноги у меня в тепле, а крышка люка укрывает от встречного ветра по грудь. Спускаюсь в «трюм». Вроде полегчало. Киллер не спит. На вид ему лет двадцать пять, щуплый. Подвижный. Глаза подавшего жизнь человека.

— Жека, а как ты в Чечню попал?

— Первый раз — срочка. Призвали меня весной девяносто четвертого, в Псковскую дивизию. Как только началась эта канитель с Чечней, собрали из нас сводную роту. Половина ребят, такие же как я, прослужили всего по полгода. Лейтенанты, командиры взводов только что из военных училищ. Уже пятого января девяносто пятого в Грозном попали под замес, первый бой. Потеряли человек десять, два двухсотых, восемь раненых.

Неразбериха была полная. Кто командует? Что делать?.. Непонятно. К нам прибилась чья-то пехота, вроде из 81-го полка. Засели на нефтебазе, она горит. Дым, жара... А тут еще и артиллерия своя накрыла. Опять раненые. Лекарств нет, перевязывать нечем. Потом, когда прорывались, у центрального рынка на засаду напоролись.

Бойцы из охранения шли впереди, но наткнулись на «чехов» и побежали в разные стороны. Опять бой начался, я тогда, кажется, двоих из автомата положил.

Снайперы у нас человек восемь выбили. Ротного ранили в руку и в ноги, меня осколком гранаты в ногу.

Замес был конкретный. Еле вырвались. Потом госпиталь. Уволился. В институт поступил, но через пару курсов бросил. Сам посуды, кругом мальчики и девочки из хороших семей, для которых двойка в зачетке — самая большая неприятность. А я каждую ночь вою и кричу, потому что вижу, как в меня «чехи» стреляют.

В общем, бросил я институт — и опять в Чечню, на контракт. Наверное, от страха перед «чехами», которые меня каждую ночь расстреливали.

— В Грозном во время боев ели что? Где спали?

— Жрали в основном дерьмо всякое, что придется. То, что из магазинов и ларьков жители растащить не успели. Бывало, что в подвалах на банки с вареньем, огурцами, помидорами натывались.

И спали там же, в основном в подвалах. На матрасах, на коврах, на всем, что могли из квартир вынести.

Кучер спрашивает:

— Жень, а в бою убивать страшно было?

— В бою убивать не страшно. Тем более что врага убить — святое дело. За каждого убитого Бог скашивает один грех, так же, как и за змею. Страшно после боя, когда ты остался жив и видишь сгоревшие машины, ребят погибших. Когда надо собирать то, что осталось от сгоревших экипажей. Когда ты залезаешь в машину и соскребаешь в ведро то, что осталось от Вовки или Сережки, пальцы, шматки мяса или сгоревшие сапоги...

Мы пересекаем административную границу Ставропольского края.

Останавливаемся на стационарном посту ГАИ, но он больше похож на блокпост: мешки с песком, гаишники в бронезилетах с автоматами. Что поделать, живем на территории воюющей державы. До Пятигорска километров двадцать, до моего родного города всего лишь пять.

Сдаю Келлеру свой автомат, магазины с патронами. Женька и ребята по очереди хлопают меня по плечу. Киллер говорит:

— Смотри, пару дней мы еще будем здесь. Если не передумаешь обратно, мы будем у военкомата. Не придешь, никто плохого не подумает, у каждого своя война.

БРДМ чихнул черным выхлопом, вильнул задом и двинулся в сторону Пятигорска.

Гаишники остановили для меня попутку, и уже через полчаса я стоял перед своим домом.

Окна моей квартиры темны. Темный подъезд, неистребимый запах кошек... Я открываю дверь своим ключом. В коридоре и комнате всё, как всегда. С шумом качается маятник часов, в углу тарачит глаза сказочный гном, которого я привез Машке из Польши. Только со стены исчезли Машкины фотографии, игрушки, детская одежда.

Она ушла и забрала мою дочь. Мою дочь...

Со своей будущей женой я учился в школе. Ее отец был военным, и когда мы учились в десятом классе, его перевели в Сибирь. Так наши дороги разошлись. Вновь увиделись мы только через шесть лет. Я к тому времени уже отслужил срочную и заканчивал институт. По какой-то надобности в наш город занесло моего друга детства Некрасова.

Мы пили с ним портвейн в комнате общежития, когда он неожиданно спросил меня, вижу ли я Таню Малевич. Я пожал плечами, откуда дескать? Она ведь в Омске. Но оказалось, что нет. Вовка заканчивал вуз вместе с ней, а потом она получила распределение в мой город. В общем, через месяц, перед самым распределением, мы поженились.

Сначала все было хорошо. Ее отец уже был полковник, на генеральской должности. Как говорят в армии, ждал полосатые штаны. Они жили в роскошной по тем временам квартире в центре, с высокими потолками, и мебель была красивая, югославская, привезенная из Южной группы войск.

На полках стояло много-премного всяких новеньких книг русских и зарубежных классиков, а в серванте множество безделушек, которые ее родители привезли из-за границы. Жена уговорила меня переехать к родителям, в их шикарную пятикомнатную квартиру.

Переехав в Омск, я нашел старых друзей, которых знал по соревнованиям и службе в спортроде.

Мы встречаем новый, 1991 год. За столом родители Татьяны, начальник училища генерал-майор Коваленко с супругой, первый секретарь райкома партии Павлов, председатель райисполкома Малицкий. Как говорится, лучшие люди района. До окончания старого года полчаса. В бокалы налито шампанское, папа говорит тост.

— За коммунистическую партию... мудрое руководство...

Пять минут... семь...

— Мы должны быть готовы защитить наши завоевания...

Десять минут.

Я потихонечку поднимаюсь из-за стола, иду на кухню, наливаю себе водки, опрокидываю, возвращаюсь за стол.

Татьяна косит на меня своими зелеными глазницами. Папин тост уже близок к завершению, коронная фраза.

— Когда нам было по двадцать шесть лет, мы за одним столом с генералами, полковниками и первыми партийными руководителями города не сидели.

Это в мой огород.

— И мы должны быть благодарны партии и советскому правительству, что...

Новый виток красноречия еще на пять минут.

По сути, это было самое счастливое время. Государство жило своей жизнью. Люди своей.

А потом началась другая жизнь. В стране объявили перестройку и гласность. Во всех городах России тут же возникли преступные группировки, состоящие из отможенных подростков, блатных и спортсменов.

Термин «группировки» употреблялся только в прессе и в милицейских документах, а члены данных коллективов уже называли себя бригадами.

К концу восьмидесятых «бригадные» уже стали силой. Сначала крутили наперстки. Потом началась тема вещевых рынков и крышевание кооператоров. Стали, как грибы, расти новые бары, рестораны. Братва там чувствовала себя как дома. Было четкое разделение столов, где «менты» сидели, где кооператоры, а где гуляла братва.

Такое было время, на барменов, на кооператоров, как на политиков, покушения устраивали. Чью-то машину «восьмерку» подорвали из подствольного гранатомета, какого-то банкира застрелили в подъезде дома из обрезка.

Самым ходовым и модным словом стало — стрелка. Это слово слышалось везде: в магазинах, подворотнях, парикмахерских. Стрелки повсюду. Стрелки везде. Оно означало выяснение отношений между двумя и более преступными группировками по какому-либо конфликтному вопросу.

Почти все вопросы в городе решали на них, будь это взыскание долгов, обеспечение бартерных сделок или общение с налоговой и таможней.

На стрелки ездили все: милиционеры, бандиты, кавказцы, однажды даже батюшка прикатил на бронированном «мерине». Какая-то часть людей, проживавших в СССР, продолжала по инерции ходить на работу, на которой месяцами не

платили заработную плату, часть подалась в коммерсанты. Я же считал, что лучше отбирать самому, нежели быть потерпевшим, и подался в рекетиры. Эта сторона жизни меня не обошла.

До поры до времени братва старалась сохранить мирные отношения между собой. Как говорил Валера Бобер, нет такого куска, который невозможно поделить на всех. Но там, где больше одного сообщества, — война неизбежна. Да и в одном сообществе рано или поздно начинаются конфликты при дележке пирога...

Начались разборки среди братвы, еще и спешно созданные РУБОПы принялись успешно сажать и стрелять. Наступили страшные времена. Кто не успел вляпаться в кровь, ложились на дно, уезжали в другие города. После того как в результате одной только ночи у нас застрелили троих, а еще пять человек взяли под стражу, я принял решение уезжать из города. Уехали на родину родителей, в маленький курортный городок на юге России. Начал пробовать себя в бизнесе. После ГКЧП тестя отправили в отставку и он переехал к нам.

Потом родилась Машка, но что-то произошло в наших отношениях. Наш мир растворился без остатка в шмотках, деньгах. Той женщины, с которой я его строил, не стало. Она исчезла. Растворилась...

Я сижу на кухне и смотрю в бездну граненого стакана. Через прозрачное пойло отчетливо видно дно, оно уже совсем рядом. Все так же, как и два месяца назад.

И, как тогда, раздался звонок. На пороге стоял Гена Шекотин, трезвый, с то-скливыми собачьими глазами.

— Я шел с гаражей, увидел у тебя свет. Можно к тебе?

— Заходи...

— Давно вернулся? Насовсем?

— Приехал только что. На сколько, пока не знаю. Не уверен, что мне здесь будут рады. А ты чего такой убитый?

— Беда у меня, Леша.

— Рассказывай.

— Вчера дочь чуть не изнасиловали. Чудом вырвалась. Сейчас из дома не выходит, боится.

— В милицию обращался?

— Я хотел, жена с дочерью отговорили. Будет только хуже, да и позора не оберешься.

— Знаешь, кто?

— Конечно, знаю, братья Тунгуловы.

Тунгуловых я знал. Их дядя держал водочный завод, поставляя пойло по всей области и даже в Москву. Племянники работали в его охране.

— Что делать, Леша? Загублю девку.

— Ты прав. В милицию нельзя, откупятся. Оружие у тебя есть?

— Есть. Газовый пистолет.

— Газовый — это серьезно. Сейчас иди домой, а утром часиков в пять, пока темно, подъезжай ко мне. Пушку возьми с собой. И это... Наверное, дочь с собой прихвати. Займемся психотерапией, покажем ей крутых пацанов в собственном дерьме.

Останавливаем машину за несколько домов от дома Тунгуловых. В полной тишине подходим к забору из белого кирпича и железным воротам. Во дворе и доме тишина, слава богу, что нет собаки. Я перелезаю через забор, открываю щеколду, перевожу дух. Долго жму кнопку звонка на двери дома. Гена маячит за моей спиной, девчонка жметесь к его руке.

Слышу шаркающие шаги, недовольный мужской голос:

— Чего надо?

— Откройте, милиция. Проверка паспортного режима.

Это все, на что хватает моей фантазии.

Звук ключа, недовольный голос:

— Совсем менты охерели, поспать не дадут.

Я дергаю на себя дверь, в проеме стоит сонный парень в трусах.

Я бью его рукоятью пистолета в переносицу.

Кровь заливает ему лицо, парень тяжело, как бык, валится на колени.

— Су-уу-каа, где брат?

Парень смотрит на меня дикими, ничего не понимающими глазами.

— Гена, придержи, а я поищу второго.

Второго нахожу на диване. Он сладко спит, открыв рот. Беру его рукой за волосы, засовываю пистолетный ствол в рот. Дикое желание нажать на курок. Газовая струя в этом случае выжжет ему все внутренности, страшная боль и смерть.

Я прихожу в себя от женского крика. Генкина дочь вцепилась ему в руку и кричит:

— Папа, папа, останови его, мне страшно.

Вижу остолбеневшие Генкины глаза, себя, забивающего гранату в чей-то окровавленный рот.

Мы курим в машине перед моим домом. Генка прячет глаза.

— Леха, тебе спасибо за все, но должен сказать тебе, как друг. Башню тебе сорвало конкретно. Ты бы поаккуратнее все же...

— Ладно, Гена, езжай домой. Я хочу спать.

Поспать мне все же не удалось. Через два часа раздался телефонный звонок. Гена...

— Полчаса назад ко мне приезжали братья. Сказали, что тебе забили стрелку. Вечером будут ждать.

Резануло слух «тебе». Но стараюсь не заикливаться на этом.

— Тебе не грубили? Не угрожали?

— Да нет. Вежливые были, трезвые.

— Где стрела, Гена?

— Вечером, у мусульманского кладбища. Что будем делать?

Я пожимаю плечами.

— Ничего, поедем.

— Они же нас перекусят! У них стволы.

— Не перекусят, Гена, подавятся.

Днем на Генкиной машине я подъезжаю к военкомату. Наши ребята здесь. Загружаю в броню два ящика водки. Сумку с консервами. Коротко объясняю ситуацию. Ребята кивают головами.

За полтора часа до назначенной встречи Гена привозит меня на кладбище. Очень тихо. Приближается вечер. На кладбище никого нет. Вдалеке темнеет склон горы. Гена заметно нервничает. Честно говоря, мне тоже не по себе. Вытягиваю из карманчика гранату, кладу ее в правый карман бушлата.

Говорю Генке:

— Ну что, брат, прощай, увидимся не скоро. Езжай домой, все будет хорошо.

Гена не возражает. Обнимаемся, и белый жигули «копейка» скрывается в надвигающихся сумерках.

Я разжигаю костерок. Огонь весело пожирает собранные щепки и веточки.

На дороге показываются три серебристые девятки, тормозят метрах в пятидесяти от меня. Через стекло на меня и огонь смотрят серьезные угрюмые мужчины. Хлопают двери машин. Меня окружают человек десять. У некоторых в руках карабины «Сайга». Видно, на стрелку прикатила вся охрана завода. Это пехота.

Основной здесь Аркаша Григориади, главный городской беспредельщик. Вот он стоит, в кашемировом пальто, блестящих штиблетах. Джеймс Бонд, блин-ннн!

Год назад Аркаша прямо в кабинете директора расстрелял залетную братву, прибывшую на завод за контрибуцией. Один умер сразу, двое других выпрыгнули из окон третьего этажа. Тем и спаслись. Аркашу взяли под стражу. Но, видать, выпустили.

— Ты кто?

— Я?.. Леша Майор.

— Ты что — контуженный, Леша?

— Да нет... Вроде...

— А чего тогда борзеешь? Кипеж устроил, нас от дела оторвал, а мы люди занятые. В общем, десятка. Зеленых. Завтра.

— Я думаю, не надо ждать завтра, так как оно может не прийти никогда. И мы оба будем сожалеть об этом. Давай рассчитаемся сегодня.

Я наступаю подошвой на язычки пламени. Лучи автомобильных фар прожигают меня насквозь. Вытягиваю из кармана гранату. Ее ребристая поверхность приятно холодит ладонь. Кольцо у меня на пальце.

Окружающие замирают

— Аркаша, я жду деньги!..

Затылком чувствую движение за своей спиной.

Зубами вырываю чеку. Поднимаю руку вверх, четыре пальца удерживают скобу. Все замерли. Кругом полная тишина.

Во блин! Не слишком ли резво я начал? И как долго у меня получится удерживать гранату без чеки.

— Аркаша, деньги!

Из-под склона горы вырывается наш БРДМ.

Та-та-та... раздается оглушительная очередь. Уши заложило от звуков выстрелов. Твою же мать!.. Это наш собственный пулемет дал трассер над головами. Интуитивно пригибаюсь к земле и вижу подошвы знакомых штиблет. Все заводские супермены уже лежат на земле.

Слышен испуганный полусшепот:

— Это что, ОМОН, что ли? Во попали!..

Из башни по пояс высовывается Киллер в маске-мародерке, автомат лежит поперек люка. Голосом Глеба Жеглова он орет:

— Граждане бандиты! Внимание! С вами говорит полковник военной разведки Егоров. Всем лежать тихо. В случае неповиновения открываем огонь без предупреждения.

Звенящая тишина...

Я поднимаю с земли упавшую шапку. Наклоняюсь к Аркаше.

— Ты все понял? Я пока поеду, а ты готовь деньги. Вернусь, завезешь лично мне.

Подхожу к машине, цепляясь за скобы, лезу на броню. Колени дрожат, ноги подкашиваются. Все тело ломит, в голове ступор. Так бывает после боя или драки. Краем глаза замечаю шевеление на земле.

Опять слышу Женькин рев:

— Лежать, суки! Лицом вниз! Головы не поднимать! На землю, на землю, я сказал!

Падаю в открытый люк. Граната все еще крепко зажата в моей руке. Кто-то из ребят перехватывает меня за пальцы, ловко вставляет кусок проволоки на место чеки. Кричит:

— Готово, поехали!

Наш БРДМ, плюнув выхлопом, рванул по дороге.

Высовываю голову из люка, поворачиваюсь назад, вижу, как Аркаша пинает кого-то ногами. Спрашиваю Киллера:

— Ты, полковник Егоров, что, с фуем в голове? Стрелял-то зачем? Щас же здесь все городские менты будут.

— Не бойсь, я еще днем нашел военкома и сказал, что нам надо пристрелять пулемет. А он предупредил начальника милиции. У нас налицо взаимодействие всех силовых структур.

Женька и вся команда уже в подпитии.

— Водила хоть трезвый?

— Трезвый, трезвый, давай и ты полстаканчика. За нашу победу!

Пока я занюхиваю рукавом бушлата, Женька говорит:

— А ты с душком, Майор! На бандюков с гранатой... А если бы они не испугались?

— Женя, гранату все пугаются. Я однажды попал в такую же историю, ощущения до сих пор забыть не могу.

Укоряю:

— Пить-то чего раньше времени начали? Не могли потерпеть?

— Ладно, не ворчи. Деньги-то тебе бандюки отдадут?

— Не думаю.

— От дурной, а чего же тогда с гранатой скакал?

— А это расчет, Жень. Аркаша перед пацанами на пузо упал, а потом его еще и на счетчик поставили. Ему надо сейчас срочно крайнего найти, чтобы авторитет удержать. Мы далеко, да на пулемет и не попрешь. Сейчас он братьев так прессанет, что они из города убегут.

— А-ааа, тогда понятно.

Кто-то из ребят спрашивает:

— Леха, ты обещал рассказать, что там у вас с гранатой-то было? Расскажи. Интересно.

— Да это давняя история. Со мной еще по молодости было, я тогда бандитствовал. Приехали в ресторан, там у нас стрелка была. Нас двое, я и Валера Бобер. А там... жулики, звери. Сразу нас не съели только потому, что продлить удовольствие, наверное, хотели. Жути нам стали гнать прямо с порога. Ну Бобер послушал и говорит:

— Я вас услышал. Это вы считаете себя крутыми, а я таким буду считать того, кто убежит последним.

И кладет на стол гранату без чеки. На счет два все были под столами.

— Ну?..

— Что ну?

— Ну а вы как?

— А мы ушли.

— А граната?

— Не взорвалась. Наверное, учебная оказалась. Или бракованная.

— А как вас выпустили?

— Так им не до того было. Когда мы уходили, Бобер им вторую гранату под стол бросил. Та уже без брака была. Рванула как следует.

— А я вот анекдот в тему знаю.

Это говорит Першинг.

— На пустыре бандитская стрелка — все заставлено крутыми тачками. Подруливает милицейская канарейка. Из машины выходит сержант и кричит: «Что здесь происходит?!»

Ему дают сто долларов и говорят, чтобы валил поскорее!

Мент садится в машину и жалуется напарнику:
«Все у них секреты, секреты. Уже и спросить ничего нельзя...»
Посмеялись.

ГУМАНИТАРКА

В конце первой и в начале второй чеченской стало модным пиар-ходом возить в Чечню гуманитарную помощь. Перед каждым праздником в расположение воинских частей в Чечне прилетали высокие чины из правительств и администраций областей и краев, вожди политических партий, чаще всего с недорогими наборами, состоящими из конфет, сигарет, какими-то бытовыми и ненужными на войне мелочами.

Бывает, завозили и дефицитные товары, фирменные бритвенные принадлежности, спортивные костюмы, майки, футболки... Но никто из солдат и окопных офицеров этого добра не видел. Гуманитарка странным образом уже через несколько дней оказывалась на рынке.

Могли привезти женские прокладки. Но им быстро нашли применение. Нарезали стелек в сапоги. С «Олвейз-классик» ногам сразу стало значительно веселее, сухо и комфортно.

Однажды привезли полиэтиленовые пакеты с нарисованной на них короной и надписью «Imperia Furs». Кроме пакетов, было несколько коробок с презервативами.

В презервативы же заворачивали запас спичек НЗ, так, на всякий случай, мало ли чего. Не помню случая, когда они применялись по назначению. Пакеты за ненужностью отдали местным.

Действо раздачи подарков снималось на пленку, потом транслировалось по телевидению. Политические дивиденды, естественно, зачислялись тем, кто чаще других мелькал на экранах телевизоров.

Но была и другая гуманитарная помощь. Собирали ее люди, знающие солдатский быт, не первый раз ездившие с такой миссией в Чечню. Поэтому и грузили в машины не конфеты с пряниками, а дрова, шерстяные носки, берцы, теплые свитера, камуфляж, одеяла. Без пряников на войне прожить можно, а вот без свитера и теплого одеяла в Чечне зимой несладко. Чаще всего такую помощь организовывали ветеранские организации, простые жители Ставрополя и, конечно же, казаки — терские, кубанские, донские.

Колонна из трех КамАЗов с гуманитарной помощью ждала нас у правления казачьего общества. В КамАЗах дрова, мука, макаронны, теплые вещи. Все это собирали казаки-терцы, руководители еще работающих предприятий и просто жители городов и станций Ставрополя.

Во дворе правления дымится полевая кухня.

Мы сидим за столом с атаманом, ему лет шестьдесят. Настоящий казак с вислыми усами, житейски мудрый и слегка пьяный. На столе немудреная мужская закуска — сало, соленые огурцы, вареная картошка.

— Эх, хлопцы, хлопцы! Да разве же нам жалко собрать для вас подарки? У каждого в Чечне брат, муж или сын воюет. Последнее отдадим, все, что надо, соберем, хоть перчатки, хоть шоколад. Но уйдет ли она дальше Ханкалы? Вот в чем большой вопрос.

Атаман в сердцах бьет по столу кулаком.

— Вы мне лучше вот на какой вопрос ответьте. Почему власть не переселяет братьев наших из Чечни в Россию? Вот на прошлой неделе в Ищерской казака

убили прямо во дворе дома. Четверо малолетних детей осталось. В Наурской и Шелковском районе русских осталось тысяч десять, не больше. А это ведь наша казачья земля. Наши деды-прадеды ее для России отвоевывали.

Мы говорим всю ночь: о казаках и русских людях, которых Россия бросила в Чечне, о том, как людей на Ставрополье воровали как скот, о «боевых», которые не платят, о штабах и зловонной плесени под названием Ханкала.

Утром, чуть свет, отправляемся в дорогу. Натягиваем поверх бушлатов разгрузки с магазинами, гранатами, выстрелами к подствольнику. Зябко ежимся от утреннего холода и торопливо лезем в воняющее машинным маслом чрево машин. Покидаемый город кажется чужим. Было буднично, тоскливо и тихо. Пустынные улицы, серые дома, грязный асфальт. Редкие прохожие провожают колонну глазами, и какая-то пожилая женщина крестит отъезжающие машины замерзшими пальцами. Часа через три наша колонна, медленно огибая бетонные блоки, подтягивается к металлическому шлагбауму, за которым опять бетонные блоки, мешки с песком, дымящаяся солдатская кухня и стволы пулеметов, нацелившие свои жала на нас. Я перемещаюсь в пространстве и времени по маршруту Россия — Чечня и ощущениям мир — война.

— Приехали, бля-я-я-я! Акбар спецназ! — кричит высунувшийся из люка Келлер.

На блоке несут службу минводские менты. Женьку уже знают, к тому же милиционерам приятно, что их назвали спецназом, поэтому процедура досмотра сведена к минимуму. Машины не глушим. Соскочив на землю, по команде Келлера пристегиваем к автоматам рожки.

Вижу, как Женька, отвернувшись в сторону, крестится.

Повторяю вслед за ним:

— Ну здравствуй, моя любовь и боль моя. Моя проклятая Чечня!

*Привет, Чечня,
Мы умыты слезами,
Пусть всевышний решает,
Что потом будет с нами.*

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В спальном кубрике дребезжит гитара, слышатся невнятные голоса. Я осторожно тяну на себя скрипучую дверь. Из проема тянет устоявшимся и затхлым запахом солдатских портянок, сигаретного дыма, ружейного масла.

Я вовремя. У Степаныча день рождения.

В освещенной комнате на кроватях сидят все наши, нет только Пса и Зайца, они дежурят на крыше.

Прибный держит в руках здоровенную цыганскую иглу. У него вид человека, который собирается сделать что-то важное. На табуретке перед ним сидит Олег, снайпер. Это он три дня назад снял двоих «чехов». Олег в тапочках на босу ногу и спортивных штанах. О принадлежности к армии говорит только наброшенная на голое тело рваная разгрузка. Левая бровь его разбита, глаз закрывает огромный синяк.

— Степаныч, ты что, оперировать собрался?

— Ну да. Только вот сейчас обезболивающее дам, и начнем.

— А ты можешь?

— А чего тут уметь? Проще чем носки штопать. Процедура простая: прихватил края раны, немножко оттянул, да и прокальвай снизу вверх. Сделал стежок, зафиксировал узлом, еще стежок — узел. Неделька через три-четыре все заживет, как на собаке.

— Давайте анестезию.

Олегу протягивают стакан. Пока он пьет, Степаныч водкой моет руки, потом опускает в стакан иглу с леской.

— Вот блин, жизнь наступила, водкой руки моем!

Пока идет операция, мне коротко рассказывают, что произошло.

После убийства двух человек Олегу ночью рвануло крышу. Сначала трясся, как осиновый лист, потом бросился к ящику с гранатами. Повезло, что никто не спал, вязали его всем отделением. Успокоился Олег только лишь после того, как Степаныч отправил его в нокаут. Такое бывает. Людей убивать нелегко.

— Ну все, теперь к нашему шалашу, — распоряжается Прибный. — Олег, а ты лежи, у тебя постельный режим. Все остальные к столу.

На стол ставят тарелку с солеными огурцами, нарезанное сало, хлеб, какую-то бледно-зеленую капусту.

Продолжая прерванный разговор, Прибный поднимает стакан:

— Давайте за нас, за тех, на ком держится Россия. Армия — ее последняя надежда. Все воруют и жульничают, каждый стремится набить свои карманы. А мы воюем за страну, за нашу Россию, и нам не нужно ничего, только лишь чтобы нас уважали. Запомните, что после возвращения домой у каждого третьего из вас опустятся руки, потому что не останется сил, чтобы что-то доказывать. Но каждый четвертый не успокоится на этой войне и будет рваться воевать... И поедет на вторую войну, третью, пятую...

А каждый шестой ударится в религию, потому что не сможет спокойно жить после того, что видел и пережил. И только один из восьми придет в орденах, и ему скажут: «Герой!»

Каждый двадцатый будет беспробудно пить, тридцатый — сядет на иглу, со-тый — попадет в зону, каждый трехсотый вернется без рук или ног...

И каждый, заметьте, каждый больше всего будет бояться, что ему скажут — его солдатский подвиг был никому не нужен. У меня в прошлую войну в отряде сержант был, Саша Королев. Он у меня снайперил и за геройство орден Мужества получил. Приехал домой, а жена его дураком назвала. Дескать, другие деньги делают, машины. Квартиры покупают, женам золото и брильянты дарят. А ты, мол, железяку на грудь нацепил, как мальчик. В детстве в войну не наигрался.

Сашка не выдержал, пошел в гараж и там застрелился. Так что давайте за то, чтобы Родина нас не забыла.

Выпили по первой. Закусили. Степаныч потянулся за гитарой:

*Жаль, подмога не пришла,
подкрепление не прислали,
нас осталось только два,
нас с тобою нае...ли.*

В буржуйке горит огонь, потрескивают угли. На душе становится тепло. Если закрыть глаза, можно представить, что я у мамы, в деревне. Машка возится с ку-клами. Нет никакой Чечни, нет войны, нет... Наливают по второй.

*Все братушки полегли,
и с патронами напряжно,*

*но мы держим рубежи
и сражаемся отва-а-ажно.
Пушка сдохла, все п...ея!
Больше нечем отбиваться,
Жаль, подмога не пришла,
подкрепление не прислали,
что ж, обычные дела,
нас с тобою нае...ли...*

Кто-то спрашивает:

— Степаныч, а ты чего боишься?

Прибный ставит гитару на пол. Долго смотрит куда-то в угол.

— Плена боюсь, хлопцы, позора. К пленным у нас всегда относились, как к скоту. Мне отец рассказывал, он в Великую Отечественную повоювать успел. И тогда, и сейчас пленных за людей не считали и не считают. В первую войну мы солдатика одного вызволяли. Пошел в село один, его и выкрали. Я сам в село ходил, со стариками договаривался. Как договаривался? Вывел танк, навел ствол пушки на дома и сказал:

— К вечеру солдата не будет, расхерачу все к е...е матери.

Вернули. А утром комбриг строит бригаду... Выводят этого солдата, и комбриг начинает его чморить — трус, предатель, расстрелять тебя мало. Я тогда еле сдержался. Пацан такое пережил, а его к стенке поставить обещают. В общем, морально сломали парня. А случилось и такое, что и покалечить по пьяни могли.

А это самое страшное на войне, когда бьют свои.

Поэтому я себе слово дал: в плен не пойду. Давайте выпьем за то, чтобы нас это не коснулось.

Выпили. Шарипов толкает меня ногой:

— А у меня в кармане на этот случай всегда «эфочка» лежит. Хорошая такая «эфочка», ручная.

Все захмелели, завязался разговор. Гизатулин рассказывает о новом снайпере.

— Приходит ко мне, весь такой военный, типа рейнджер. Говорит, возьми к себе, я снайпер.

Ромка прыскал от смеха.

— Я смотрю, бля..., ну какой он, на хер, снайпер, в корову с десяти метров не попадет. Спрашиваю, какое оружие знаешь? С чем работал?

— С СВД-2.

Приношу ему винтовку, говорю: стреляй. Вижу, не стрелок, первый раз в жизни ружье держит, максимум второй. Но берет уверенно, можно сказать, даже деловито, целится.

Гизатулин весь красный, говорит сквозь слезы и смех.

— Я такой наглости отродясь не видел, такой деловой, ни один мускул на лице не дрогнет. Спрашиваю:

— Раньше стрелял?

А он мне:

— Стрелял!

Ромка протирает глаза, вытирал сопли и снова закатывался.

— Попадал?

— Пока нет. Но попаду.

— Ну как такого не взять? Это же чудо... А в бою отличился, двух «чехов» снял. Степаныч сказал, что будет ходатайствовать о награждении.

Просмеялись. Степаныч встал со своего места. Все замолчали.

— Я входил в Грозный пять лет назад, в декабре девяносто четвертого, у меня на глазах умирали наши пацаны. Срочники, дети вчерашние! Танки как свечки горели. А вся страна тогда встречала Новый год. Пили шампанское, желали друг другу счастья...

Потом, уже в январе, когда подмога подошла, стали ребят собирать. Трупы валили в кучу, как мешки с картошкой. Многим некуда было даже бирки прикрепить: ни рук, ни ног. Номера писали йодом или зеленкой... Там, где написать было можно.

И я пообещал сам себе, что помнить буду, помнить это всегда... Давайте третий тост, за них, за всех. За Серегу Манаенко, Володю Извекова, Женю Магера. За ребят с Сибири, Кубани, Дона, Рязани. За русских солдат, погибших в Чечне!

Не чокаясь, выпили за погибших. С минуту Степаныч молчал, что-то обдумывая. Затем сказал:

— Водку в сейф. Всем отдыхать, завтра работа.

Укрывшись бушлатом, я закрываю глаза. Пытаюсь увидеть в темноте себя через год, пять, десять... Что со мной будет завтра? Кто я в этом мире сейчас и что я делаю здесь? В этом промокшем дождями, холодном и враждебном краю. И бьется в висок одна и та же строчка из песни:

что ж, обычные дела, нас с тобою нае...ли...

Надо не забыть подшить к бушлату карманчик для гранаты. Очень хороший аргумент в споре.

Праздник закончился...

НАГРАДА

Из комендатуры приходит Степаныч. Долго смотрит на нас, говорит:

— Военному коменданту звонили из Ханкалы, приказали подготовить наградные документы на Дронова. К Мужеству!..

— Да ну? Хотели же Олега к ордену?

— А Дронова за что? Какие подвиги?..

— Там! — Степаныч показывает на потолок. — Телевизор тоже смотрят и лучше нас знают, кто более достоин. Товарищ майор перед камерой смотрелся очень мужественно. К тому же боевиков победил!

Начальство уже подготовило представление. Я читал: «За проявленные героизм и самоотверженность».

Ребята ропщут.

— А нам, Степаныч, видать, не судьба награды носить. Не заслужили!

Степаныч улыбается:

— Не за награды воюем, хлопцы. За идею. За державу!

Потом выдерживает театральную паузу, добавляет:

— Это еще не все. Журналистку тоже наградили, медалью... За укрепление боевого содружества.

Повисает тишина. Ребята не смотрят друг на друга.

Через три недели ротный надраил берцы, нацепил новый камуфляж и укатил в Ханкалу. Вернулся довольный. С орденом.

ОЛЕГ

Олегу дали десять суток отпуска, он получил боевые и укатил в Моздок. Но через десять дней он не вернулся, не вернулся и через двенадцать. Русские, жившие на станции, рассказали, что несколько дней назад видели какого-то контрактника без оружия, который остановил «Жигули».

Олега нашли в лесочке местные. Когда мы примчались туда на двух БТРах, он лежал на животе, со связанными сзади руками. На руках были отрезаны пальцы, отсутствовало ухо, на лице застыла мука. Ухо у Олега было отрезано при жизни, потому что лицо было в крови. Тело накрыли плащ-палаткой, из-под серого брезента торчали ступни в носках. У Олега были хорошие берцы. Сняли. Наверное, перед тем, как убить. Или после?..

— Суки-и-и-и!

Когда Олега несли к машине, его ступни качались в такт нашим шагам.

Упокой, Господи, души рабов Твоих, за Отечество на чеченской войне живот свой положивших.

КЛОК

Вместо Олега к нам перевели бойца из первого взвода. Ему лет тридцать. Невысокого роста, худощавый, с довольно длинными руками и короткими, кричаватыми ногами.

Меня раздражает его маленький рост, редкие волосы на небритом подбородке, напускная веселость.

Как оказалось, не меня одного. Шашорин вполголоса ворчит:

— Блин, как же ему бабы-то дают? Он же скользкий, как улитка.

Новенький услышал. С улыбочкой повернулся вполоборота:

— Ну ты-то не баба! Чего беспокоишься напрасно?

Посрамленный Шашорин отворачивается к стене. Новенького зовут Андрей Клоков. Значит — Клок. Он тут же задружился с Ромкой Гизатулиным. О чем-то с ним шушукался, подарил свою новенькую разгрузку.

Дня через три Клок отличился: застрелил Прапора. Прапор — это не человек, собака. После бомбежек и пожаров в Чечне многие из них оказались на улице. Питались на помойках, жрали мышей, лягушек. Говорили даже, что ели и человечину. Прапору удалось прибиться к людям. Крутился при солдатской кухне. Хороший был пес, не злой, не агрессивный. Кто-то раньше облил его кипятком. По всей спине тянулся шрам от ожога, похожий на погон. Потому его и назвали — Прапором.

Вот его Клок и убил. Опробовал винтовку.

Пес, вытянув лапы, лежал на земле в луже крови. На спине чернел старый шрам.

Пришел Прибный. Спросил:

— Зачем?

— Так чеченской же породы, Степаныч? Чего их жалеть.

Прибный сплюнул.

— Креста на тебе нет. Тварь безвинную не пощадил.

С Клоковым перестали разговаривать. Вечером в кубрике Ромка бросил ему подаренную разгрузку.

— Дать бы тебе в едало, тварь!

Вечером поспорили, что будет делать Клок. Попросит прощения или сбежит?

Прошло несколько дней. Тело Олега отправили в Моздок, на холодильник. Уже оттуда его должны были отправить родителям. Мы несли службу, случившееся потихонечку забывалось.

Ничего не забыл только Прибный. Он несколько раз ездил на станцию, о чем говорил с местными.

Однажды ночью я проснулся от толчка. У кровати стоял Игорь.

— Вставай, — коротко сказал он. — Поедешь с нами.

Я быстро оделся. Натянул на бушлат разгрузку с магазинами. Сунул в карман пару гранат.

— Куда?

— Сейчас увидишь.

Ребята уже сидят в броне. Першинг, Пес, Заяц, Клок.

Моросил мелкий холодный дождь. Из невесомого серого марева, прикрывавшего неспешное отступление февральской ночи, сбоку от дороги показалось серое приземистое здание бывшего коровника. Тусклый желтый комочек еще холодного солнца едва продавливал ватные клубы зависшей в воздухе влаги, медленно обрисовывая желтое поле, перепаханное танковыми гусеницами.

— Машину замаскировать, чтобы не было видно с дороги. Выпейте чаю, согрейтесь. Водки не дам, вы нужны в здравом уме.

Пока мы, обжигаясь, глотали горячий чай, Степаныч излагает свою пропозицию.

— Ситуация, хлопцы, такая. Олега убил Зелимхан Мурдалов, информация точная. Его машина сейчас стоит на блоке. В машине он один. Там его трогать нельзя, много свидетелей. Через полчаса он будет здесь или возле кошары, если двинется по грунтовке.

До кошары отсюда чуть больше километра. Здесь остаются Леха, Клок и Першинг. Першинг останавливает машину, остальные страхуют. Клок со снайперкой, Леха за пулеметом. Но надо взять его живым и желательно без стрельбы. Потом допросим, с кем он был.

Я, Пес и Заяц выдвигаемся к кошаре. Услышите стрельбу, выдвигаетесь в нашу сторону, мы, соответственно, в вашу. Потопали.

Трое мужчин след в след побежали по еле заметной тропинке в сторону предгорий.

Через минуту группа растворилась в дождливом мареве.

Першинг уходит вперед. Клок, прихватив винтовку, залезает на крышу. Я сижу в машине, через триплекс смотрю на серую скользкую дорогу. Тепло выветривается, влага и холод ползут под бушлат. Минут через пять раздается стук по броне.

— Леха, мне отойти надо. Обоссс-смотреться.

— А чего ты стесняешься? Делал бы здесь свои дела.

— Да не могу я под дождем. Надо сосредоточиться.

— Ладно, вали, делай свое грязное дело.

Першинг, прихватив кусок газеты, скрывается в глубине коровника. Его нет почему-то очень долго.

На мокрой дороге появляется старая красная семерка.

Из машины выходит водитель. Рыжая борода, куртка от армейского камуфляжа, непонятного цвета штаны. Не хватает только зеленой повязки и перемотанного изолентой автомата. Узнаю старого знакомого с кадыком. Я почти уверен, это и есть Мурдалов.

По плану их должен был встретить Першинг. Но его нет, и что теперь делать мне?

Мой знакомец ныряет куда-то в развалины и через минуту появляется обратно с каким-то длинным свертком, завернутым в полиэтилен. А вот и снайперская винтовка. На работу собрался, с-сука! наших ребят отстреливать.

Затаив дыхание, навожу стволы пулеметов на лобовое стекло.

— Где Першинг? Почему не стреляет Клок? Уйдет ведь, тварь!..

Чеченец уже садится за руль. Поворачивает ключ зажигания. Двигатель начинает работать.

— Господи, помоги! Огонь!

Затаив дыхание, выжимаю кнопку.

Пулеметная очередь вдребезги разносит стекла, рвет металлическую обшивку дверей и кузова. И как-то резко наступает тишина. Я хочу подойти к расстрелянной машине и понимаю, что ноги едва слушаются меня. Из развороченного кузова тянет сладким и приторным запахом парного мяса, развороченных внутренностей. Вместо лица у чеченца кровавая каша.

Пули разворотили ему грудь и живот. Красное мясо, сизые кишки. Кровь идет сгустками, темными пятнами оседая в грязи.

Надо обыскать труп. У него должны быть документы. Мои пальцы берутся в кровавом месиве кишок. Водительские права, паспорт залиты липкой кровью...

Все, как в тумане, секунды кажутся вечностью. У меня возникает ощущение, что это происходит не со мной. И липкое противное ощущение крови на лице, мне кажется, что меня ею просто умыли. Прихожу в себя от боли в руках. Я тру ладони куском кирпича, я содрал кожу, стараясь стереть кровь.

Опускаюсь на корточки, Першинг сует мне в рот зажженную сигарету. Догорая, она обжигает мне пальцы, и я автоматически прикуриваю от нее новую. Совершенно не помню, как появился Прибный.

— Кто стрелял?

Я молчу.

Степаныч оглядывается по сторонам, заглядывает в машину и горестно машет рукой.

— Клок, быстро тащи бензин, и уходим. Нас здесь не было.

— Степаныч, у него же оружие было, винтовка.

— Оружие тоже в огонь.

Кто-то из ребят пробует возразить:

— А может быть, доставить его в комендатуру? Это же боевик. Да и Олег на его совести.

Прибный взрывается:

— Может быть, кто-нибудь из вас хочет стать новым Ульманом? Или Будановым?.. Выполнять приказ! Все на броню. Уходим.

Клок уже бежит с канистрой. Долго возится перед машиной. Наконец вспыхивает пламя.

УХО

Первым на Клока обратил внимание Саня Спасивцев. Он все косился и косился на него, а потом, когда Клок вышел из кубрика, подошел к Прибному.

— Командир, тебе не кажется, что Клок под постоянным кайфом?

Степаныч чистит автомат. Смазывает его маслом, любовно полирует мягкой ветошью.

— Ну и что? У нас половина роты, если не на службе, к вечеру под кайфом. Вино вместо воды пьем. Сам же знаешь.

— От него перегаром никогда не пахнет. Он вообще не пьет!

Прибный вздыхает и нажимает спусковой крючок. Оружие щелкает. Степаныч продолжает нажимать спусковой крючок снова и снова. Щелк!.. Щелк!.. Щелк!..

— Что у него? Колеса или наркотики?

— Не знаю. Но на торчков я в зоне насмотрелся. У него глаза обмороженные, как у рыбы.

— Ну да, ну да...

Входит Клок. Прибный подходит к нему вплотную, долго-долго смотрит в глаза.

— Раздевайся!

— Зачем?

— Затем. Медосмотр буду проводить.

Степаныч внимательно осматривает вены.

— Одевайся. Выворачивай тумбочку! Теперь сумку!

На дне сумки теплый свитер, дополнительное белье, завернутый в узел носовой платок. Степаныч развязывает узел.

Первой мыслью было, что Клок зачем-то прячет грязную курагу. Второй — почему одна?..

Домыслить я не успел, почувствовал, как тошнота поднимается к горлу. Пережив два рвотных позыва, но так и не срыгнув, я выдохнул:

— Бля-яя!..

Кажется, что это сказали все...

Невозмутимым остался только Прибный. Он потрогал отрезанное сморщенное человеческое ухо пальцем. Понюхал. Мне показалось, что сейчас он его лизнет!..

— Ты что, Клок?.. Некрофил?..

Это был единственный здравый вопрос.

Клок молчит.

— Это чье? Убиенного Лехой чеченца?

Лицо Клокова начинает медленно наливаться кровью.

— Ты понимаешь, что ни один человек в здоровом уме такое не будет собирать и тем более — хранить! Или ты психопат? Идиот? А если какие-то чечены увидят? Вот визгу будет: уши! уши! наших братьев! При этом еще и они правы будут, и по их понятиям да и по нашим тоже! Кому это понравится? А может, у тебя крыша поехала? Собирай манатки и сегодня же во взвод. С ротным я договарюсь.

За Клокова вступается Спесивцев.

— Степаныч, погоди. Может, оставим? Без снайпера остаемся. Остальные и в корову не попадут.

— Нет! Я сказал. Уши режут малолетки и те, у кого крыша поехала. Мне в разведке психи не нужны. Ты можешь пытать или резать врага на ленты, для того чтобы получить от него информацию. Это работа. Но если ты начинаешь это делать для удовольствия — это болезнь. Если для того, чтобы потом покрасоваться перед девками своей крутостью, — долбое...зм. И тех, и других я презираю. Клок, п-шел вон!

Вечером, когда Прибный уходит на доклад к ротному, Гизатулин не выдерживает.

— Парни, а вы знаете, что мне предлагала эта сука?

Мы, заинтересованные, поворачиваем к нему головы.

— Переговорить со Степанычем, чтобы прикрыл от начальства в случае чего, и во время следующей зачистки разжиться у «чехов» барахлишком. Дескать, не мешало бы в кубрик телевизор поставить, да и видик был бы не лишним.

Шашорин бросает:

— А зря ты со Степанычем не поговорил. Он бы вас обоих сразу и зачистил.

СЛЕДОВАТЕЛЬ

Через несколько дней приехал следователь из военной прокуратуры. Ребята были на выезде, я приболел, валялся на кровати.

Следователь в камуфляжной куртке, но звезд на погонах нет. Наверное, для конспирации. Хотя сразу с порога же объявил, что он капитан. Я налил ему чаю.

Капитан размешивает ложечкой сахар.

— Обыкновенная история, — говорит он мне, — в двух километрах отсюда, между блокпостом и селом, обнаружена сгоревшая машина. Мы уже провели опознание. Это житель Гудермеса, мирный житель Зелимхан Мурдалов! У него большая родня, дядья, двоюродные братья, кое-кто в милиции, а также в правительстве республики. Есть версия, что убийство совершили военнослужащие нашей комендатуры. Свидетели видели, как рано утром из села выезжала бронемашина с затертым бортовым номером. Через блокпост она не проезжала. Этому делу дан ход, приказано разыскать его убийц и осудить.

Я вполне резонно ответил, что ничего не знаю. А Мурдалова могли и боевики жизни лишить, учитывая, что у него родственники в милиции.

Следователь покивал головой, согласился. Он вообще неплохим мужиком оказался, понятливым. Хорошо мы с ним поговорили. Но капитан сказал, что пообщается еще и с остальным народом в роте, а потом, может быть, вызовет меня к себе.

После разговора я заскочил в дощатый туалет. Показалось, что на дальнем очке кто-то сидит, в натянутой на самые уши шапке. Клок? Что здесь делает этот урод? Говорил ли с ним следователь?

Утром меня вызывает ротный.

— Вы чего творите, разведка? Спокойная жизнь не нравится? Экстрима захотелось, подвиги Рэмбо не дают спать?

Я не боюсь майора, что он мне может сделать после того, что я сделал с собой сам. Я просто хочу спать. Я устал от войны и липкой чеченской грязи.

Не спрашивая разрешения, опускаюсь на стоящий стул.

Нашего командира, кажется, зовут Игорь. Он на восемь лет моложе меня.

— Чего ты разорался? Иди лучше срочникам расскажи, как им жить дальше. После всего, что они здесь видели и пережили. Как им потом детей воспитывать? Им хуже, чем тем, кого убили. Потому что мертвым уже нечего бояться. А они боятся всего и всех, боятся боевиков, своих офицеров, собственной тени. Боятся быть убитыми и боятся убивать сами, потому что завтра их могут арестовать за убийство мирных жителей. А где ты здесь видишь мирных жителей?.. Ну арестуй меня, сдай прокурору, посади в яму!

— Обойдешься. Пока насчет тебя не поступило никаких распоряжений, поедешь с ОМОНОм на третий блокпост, заберете там легкораненого. Доставите его в Моздокский госпиталь. Лучше всего для тебя будет, если обратно не вернешься. Рви контракт, переводись в другую часть. Мне все равно.

Не прощаясь и шаркая ногами, я выхожу.

РАССТРЕЛ

На блокпост отправляется БТР. На броню садится командир ОМОНа, жилистый, усатый. Вооружен как Рэмбо, РПГ-18 «муха», подствольник ГП-5, комплект гранат, перевязанные изолентой магазины в карманах разгрузки.

Капитан садится справа на люк, ноги в корпус. Водитель срочник, у него типично русское лицо. Веснушчатое, с белыми ресницами и такими же бровями над светло-голубыми глазами. Водитель их постоянно шурит. И когда говорит, и когда слушает, и когда просто курит. Сержанту лет двадцать, наверное, скоро дембель.

Водитель и стрелок находились в броне внутри. Над водителем сидит прапорщик связист. С левой стороны за ним солдат и еще несколько спецназовцев. На БТРе уже ревет двигатель. Выходит ротный и передает прапорщику приказ военного коменданта остаться и обеспечить телефонную связь.

Я запрыгнул на броню. Омоновец передает мне свою «муху».

Я кручу ее в руках, капитан понял меня по-своему. Наклоняется к моему уху.

— Не с-ссы. Открываешь заднюю крышку и раздвигаешь трубу до упора. Откроется передняя крышка, а предохранительная стойка и мушка встанут вертикально. Поворачиваешь предохранительную стойку вниз до упора и отпускаешь ее. Для выстрела жмешь на спусковой рычаг шептала. И все, враг повержен. Запомнил? Тогда поехали!

Чинно и размеренно мы двинулись вперед.

Мы отъехали от комендатуры километров пять. Перед поворотом на блок БТР сбавил скорость. Именно там нас и ждали. В левый борт ударила граната. Стреляли под углом, и она уходит рикошетом в землю, сорвав защитный щиток с брони. Тут же прилетает вторая с правой стороны. БТР подбрасывает вверх. Взрывная волна бьет по ушам, я резко перестаю слышать.

У капитана к ноге были привязаны гранаты к подствольнику. Они сдетонировали и взорвались. Левую ногу оторвало ниже колена, она держалась только на брочках. После взрыва все заволкло дымом.

Машина резко сбавила скорость, но очнувшийся водитель, поняв, что впереди, возможно, ждет засада, вывернул руль и двинул машину назад.

Я стреляю из «мухи» на огоньки выстрелов. Солдата, сидевшего на броню по ходу движения сзади и слева, несет на землю огненной струей от выстрела...

Странная вещь — человеческая психика. Иногда в моменты наивысшего напряжения тебя может просто заикнуть на какой-нибудь мысли. Память цепляется за то, что в обычной жизни промелькнуло секундным эпизодом... Я же не купил Машке...

Откуда-то с высоты короткими злыми очередями бьет пулемет ПКМ, вслед за ним закашлял ДШК.

Пули свистят над головой. Рикошетят о броню, разлетаясь в разные стороны с противным визгом.

Даю несколько длинных очередей куда-то в сторону. Кусаю губы и кулаки, пытаюсь унять дикую дрожь в руках, но понимаю, что это бесполезно, и снова стреляю, стреляю.

Раздаются выстрелы сзади, за моей спиной. На малую долю секунду обжигает мысль: «Обошли... все, копец».

Но наш БТР продолжает движение в направлении комендатуры, несмотря на то что машина повреждена и еле ползет.

БТР встал у входной двери, и под прикрытием ОМОНа раненых занесли в комендатуру. Там капитану хотели поставить промедол. В руке у него был зажат

шприц-тюбик. Но он уже умер. Живыми на БТР остались водитель, стрелок-оператор и я. Солдат и двое омовцев слетели с брони.

К месту засады тут же выехала группа. Но боевиков не нашли.

Меня тошнит. Я знаю, что при контузии надо выпить водки. Но я не могу сказать об этом. Язык мой как деревянный.

В КАФЕ

В селе работают несколько кафе. Там у огня сидят люди и слушают музыку. Рядом стоят столы, накрытые чистой клеенкой. Можно заказать себе домашнюю еду. Обычный дорожный набор, с учетом чеченских реалий: паленая водка, какой-то подозрительный кофе, шашлык, который не хотят есть собаки, и галушки, приправленные чесночным соусом. За столиком в углу сидят два милиционера. Они тупо и безнадежно пьяны.

Я уже начинаю понимать, что это единственный способ забыть о том, где мы находимся. У меня болит перевязанная голова, и я тоже пьян. Но мечтаю напиться так, чтобы протрезветь только в России.

Мне кажется, что водка в стакане пахнет разлагающимися трупами. Несмотря на зиму, в кафе много мух. Жирных и черных. Мне кажется, что они облепили все мое тело и от него также несет тошнотворным запахом падали.

Рядом с кафе бегают двое чеченских пацанов лет пяти — семи от роду. Пацаны зыркают на нас глазами, а потом отбегают на безопасное расстояние и имитируют стрельбу из автомата по сидящим в кафе русским солдатам.

— Паф-паф! Тра-та-тата!!!

Из ворот дома выходит бородатый чеченец, хватая пацанов за шкирки и утаскивает домой.

В кафе забегает Першинг,

— Леха, собирайся, через полчаса в Моздок идет машина. Тебя сдал Клок.

— Зач-ччем?..

— Что зачем? Уезжать? Или зачем сдал?

— Зачем... сссс-дал...

— Понимаешь, есть люди, в которых живет Бог. Есть люди, в которых живет дьявол. А есть люди, в которых живут только глисты. Вот это о нем. Ладно. Разберемся сами. Степаныч сказал, что тебя вызывают в прокуратуру. Если не уедешь, тебя отдадут «чехам». Сам понимаешь, что с тобой будет. Документы он отправит потом. Держи деньги на дороге.

Сует мне в карман несколько мятых купюр. Вытягивает из моего кармана гранату РГД.

— Ос-ссставь... на память.

— Ни к чему. Зачем тебе в дороге лишний геморрой.

Мы обнимаемся. Митя хлопает меня по плечу.

— Езжай. Лечи свою башку. В крайнем случае, из тюрьмы тоже есть выход. Это из могилы нет! А мы сейчас на село. Проедем по адресам. Будет очень жесткая зачистка.

Через несколько часов меня встретил Моздок и его разбитые улицы. Везде грязь, одноэтажные домики.

Я хочу пить. Нахожу кран с водой, хватаю ртом холодную воду с привкусом жавчины, немного становится легче.

Местный таксист за час довез меня до Прохладного. Я даже успел на фирменный поезд «Осетия». Сел в вагон. В вагоне тесно, но я нашел место. Напротив сидит

женщина с двумя маленькими детьми. Кто-то начинает рассказывать о бомбежках Грозного. Дети начинают плакать. Женщина кричит, чтобы не говорили о войне. Я начинаю дремать, проваливаюсь в полусон, полуявь.

Уже глубокой ночью я стоял на перроне вокзала родного города. Ветер гнал по грязному асфальту бумажные листы с изображенной на них короной и надписью “Imperia Furs”.

Мне показалось, что в свете фонарей скомканные листы бумаги похожи на багряные лужи крови.

На цвет нынешней России.

Ровно через месяц мне пришло письмо, что ребята подорвались на фугасе.

Вот и все.

С тех пор я часто задаю себе вопрос: зачем?

Ни тогда, ни сейчас я не могу на него ответить.

Мне ясно только одно: Чечня — это надолго. Для чеченца — русский всегда был и будет врагом. Или, в лучшем случае, источником наживы. Сильному они покорялись, слабого презирали.

ЭПИЛОГ

Я очнулся, пошевелил вспухшим и шершавым языком... Это не страшно, это всего лишь сон, и я пока еще жив. Но все мои сны одинаково бесконечны и страшнее яви. Потому что в них я вижу лица парней, навсегда оставленных на войне.

Серое чеченское небо, липкая рыжая грязь и кровь. Я ненавижу свои руки, себя, весь народ, допустивший возможность безнаказанно УБИВАТЬ. Я чувствую всем существом, что в такой стране у меня места нет. Я хочу вырваться из этого кровавого человеческого месива в какую-нибудь беззвучную тишину, в бесшумные поля, в тихие леса, на необитаемый остров...

Но я знаю твердо, что уже никуда не вырвусь. Мое прошлое навсегда останется со мной...

Я не убийца, по-житейски говоря.

Не злой, не подлый.

Но было так, что автомат с плеча —

И хлестанешь по людям, как мишеням.

Я пули слал, души не теребя.

Я бил врагов. И все-таки не скрою,

Что каждой пулей будто и в себя...

С тех пор живу с подстреленной душою.

